

РАВИЛЬ ЗАРИПОВ

ЕНИСЕЙСКИЙ СПЛАВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Равиль Зарипов

Енисейский сплав

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Зарипов Р. Б.

Енисейский сплав / Р. Б. Зарипов — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5425-7

В любовной истории, развернувшейся на берегах Енисея, переплелись судьбы сибирской девушки и московского студента, которые в поисках счастья погружены в конфликт между корыстью и любовью и, решая его, сталкиваются со смертельными опасностями окружающего мира.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5425-7

© Зарипов Р. Б., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Через пороги в неведомый край	6
Глава 2. Комсомолу 60 лет	13
Глава 3. Любовный водоворот	19
Глава 4. Новороссийская сага	26
Глава 5. Флирт в ритмах диско	33
Глава 6. В богемной среде: жизнь и размышления	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Равиль Зарипов

Енисейский сплав

© Зарипов Р. Б., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Часть первая

Глава 1. Через пороги в неведомый край

С каждым поворотом реки навязанное решение – отправиться на заработки в сибирскую глушь – все больше тревожило Ильдара. С тех пор как отплыли от Красноярска, прошло шесть часов, а московскому студенту они показались вечностью.

Пароход «Валерий Чкалов» неторопливо преодолевал повороты, обходя буруны и пороги на фарватере своенравного Енисея. Рейс до Дудинки кажется нескончаемым. Но пассажиры не ропщут. Они – не туристы, они – счастливики, стоявшие в ночных караулах у билетных касс. Не тяга к путешествиям, не желание окунуться в енисейские туманы и надышаться запахом тайги собрали их на этом теплоходе.

Водный тракт – единственная возможность вернуться домой с «материка», как здесь называли остальную Россию, или из Красноярска, куда пришлось отправиться по делам или к врачу. Только водным путем могли добраться до северных мест жители многих сел и посёлков, деревень и городов таёжного края, ибо автомобильная дорога из Красноярска, именуемая «Енисейским трактом», заканчивалась в Енисейске. Далее, для тех, кто готов был рисковать, пробираясь на север сухопутным путём через тайгу, оставался зимник до Ворогово. Смельчаки, выбравшие «дорогу жизни», порой пропадали. Искать их среди сугробов и ям, в тёмной, мрачной тайге, освещаемой лишь светом фар, – желающих не находилось. А добираться по зимнику летом можно было разве что на подготовленном вездеходе.

Два теплохода-близнеца «Валерий Чкалов» и «Александр Матросов», построенные в 1954 году в Германии, словно две электрички, уже четверть века курсировали по Енисею между столицей края и Дудинкой, накручивая лопастями винтов почти две тысячи вёрст в каждую сторону. Они брали на борт, подхватывали по пути пассажиров с их нехитрым скарбом и, конечно, коммерсантов с тяжеленными грузами, щедро заплаченными и заряженными неуёмным желанием подзаработать в глухих северных местах.

Два парохода связывали незримой нитью живущих на великой, загадочной и грозной реке. Давали возможность людям выйти за пределы маленького обозначенного мира и попробовать изменить судьбу: отправиться на заработки в Ярцево на самый крупный в Союзе леспромхоз или в посёлок Бор, чтобы зафрахтоваться в геолого-разведочную экспедицию по неизведанным местам Подкаменной Тунгуски. Для тех, кто хотел жизни бесшабашной, – добраться до порта в Игарке, где за короткую летнюю навигацию обрабатывалось почти полторы сотни морских судов.

...Молодой человек с тёмно-каштановыми волосами, одетый в штормовку и чёрные брюки, стоял возле шлюпок и всматривался в берега, застывшие в своем однообразии. Часы, проведённые на теплоходе, Ильдару показались вечностью, растянутой на мелкие островки, прибрежные камыши, утлые лодки с рыбаками и появляющиеся время от времени деревеньки на левом берегу Енисея. А до Енисейска было плыть и плыть.

То, что жизнь тяготела к левому пологому берегу, было неудивительно. Здесь находились сельскохозяйственные районы края. На этой же стороне реки, где-то в глубине, тянулась дорога на север.

Енисей представлял собой природную границу между Западной и Восточной Сибирью. На этих деревеньках заканчивалась великая Западно-Сибирская равнина. А правобережье было холмистым. Отсюда начиналось царство горной тайги с её Енисейским кряжем.

«Знать бы, что меня ждёт за далёкой чертой. Там, за горизонтом, там за горизонтом», – крутился в голове шлягер «Самоцветов». Чтобы разогнать тревожные мысли, Ильдар решил в который раз пройтись по палубам «Чкалова».

Проходы для прогулок вдоль борта были открыты. Большинство пассажиров отправилось по каютам. Но достаточно было беглого взгляда, чтобы понять – к поездке на север, в родные края, они подготовились основательно. Закутки под трапами и свободные места на всех трех палубах теплохода были заставлены коробками, тюками и бочонками. С кормы доносилось побрякивание. Находившиеся в клетках гуси, увидев Ильдара, радостно загоготали.

На опустевшей шлюпочной палубе просматривался явно коммерческий груз. На поддонах стояли ящики, в основном с фруктами. Рядом громоздились несколько коробок одинакового размера. Через разорванную упаковку проглядывала ручка мебельной стенки.

– Сам-то откуда? – раздался хриловатый голос из-за спины. Мужчина в поношенном кителе и развёрнутой на груди тельняшке добродушно улыбался, напрашиваясь в компанию.

Вздвогнув от неожиданности, Ильдар не сразу ответил:

– Из Москвы.

– Издалёка. Я смотрю, маеся. Не тужи, до Енисейска ещё десять часов ходу.

– А вы откуда про Енисейск знаете?

– Дак я же боцман. Вот и знаю.

Словоохотливый мужчина протянул руку, представившись Николаем. Он явно искал собеседника и пригласил перекусить. Ильдар рассмеялся. От сделанного предложения «засало под ложечкой».

– Так ресторан ведь закрыт. Перерыв.

– Ну, не для нас же, – улыбнулся в ответ Николай.

Коридор шлюпочной палубы, ведущий к ресторану, был шикарно отделан. Чисто музей на плаву. Стены обшили лакированными панелями из натурального тёмного дерева. Так же элегантно смотрелись деревянные двери кают люкс и первого класса. На случай качки к панелям прикрепили поручни из латуни с дымчатым серым покрытием. Плотная узорчатая ковровая дорожка скрадывала каждый шаг.

– Ну-ко, тезка, сообрази нам чё-нибудь. Но немного. А то порог скоро. И закусить, – обратился боцман к метрдотелю в белом пиджаке.

– Сделаем, Николай Устиныч. Присаживайтесь за столик по правому борту.

Уютно расположившись на широком стуле с голубой матерчатой обивкой, боцман расстегнул китель, отодвинул спадающую волнами штору и посмотрел на открывшуюся панораму.

– Щас Предивинск проходить будем. Аккурат с нашей стороны посёлок будет. Красивое место.

– На правом берегу? Там же горы.

– Он и стоит на горе. А за ним сразу же тайга. Для лесорубов его построили. Круглый год деревья валят. Да ещё зимой баржи строят, шо б за лето весь лес вывезти. Ходют – мохнорылые, прям лешие с бородами... Шо они, шо приисковые... чистые варнаки...

Боцман на судне – человек важный. По сути, непосредственный начальник палубной команды. И он, в том числе, определяет – найдётся на судне место для груза или нет. Метрдотель это понимал и взялся сам обслуживать исключительных гостей.

На столике появился небольшой графинчик, по бокам которого покатила холодная «слеза», и гранёные рюмки-лафитники на ножке, по внешнему виду ждавшие своего часа в холодильнике. С подноса перекечевали маринованные грибочки, буженина, отварная картошечка, приправленная маслом и посыпанная ломтиками лука, и даже тонко нарезанное сало с чесноком. В середину закуского натюрморта поставили тарелку с тугунком – сибирской селёдкой.

Последнее блюдо явно порадовало боцмана. Он одобрительно кивнул метрдотелю и потирая руки произнёс:

– Перводело тугунка попробуй, а потом всяко-разно. Да... В наших краях, почитай, у каждого местечка своя история. И люди – особенные. Вспомни-ко «Угрюм-реку». Здесь дед Данило разбойничал. Здесь они золотишко добывали. И поныне драги по речкам ползают. Кстати, ты от Енисейска до прииска как думаешь добираться? – подцепляя грибочек, поинтересовался Николай.

– А я ни на какой прииск не еду. В Енисейске остаюсь.

– Во как! Мы в конце июня, как навигация началась, взяли в Енисейск большую группу геологов. Они собирались оттуда водить экспедицию по всему району. Это почитай 300 верст в глубь тайги. Сказывают, на будущий год откроют Северо-Енисейский прииск, аккуратно под Олимпиаду. Дак я подумал, ты догоняешь своих.

– Да нет... Какой из меня старатель, да ещё геолог. Я на радиоинженера в институте учусь. Один год остался, – отмахнулся Ильдар.

Пока Николай наполнял рюмки, он решил перехватить инициативу разговора.

– Груза у вас на пароходе много. Даже гуси есть.

– Дак ведь когда местные выбираются на «материк», то закупаются под завязку. С нашей помощью забрасывают в свои места продукты, горючее. Зимы на Севере долгие. Вот и готовятся. В прошлую навигацию даже «Жигули» шестой модели в Игарку перевезли. Новёхонькие, прямо «в целлофане». Уж больно уговористый пассажир попался, хорошо заплатил. А гуси, мимо которых ты ходил, в Туруханске сойдут.

– Я заметил, у вас на шкафуте груз где-то закреплён, а где-то нет.

У боцмана вытянулось лицо. Он явно не ожидал от студента такого поворота в морскую тематику. Николай выругался и опрокинул лафитник в широко раскрытое горло.

Ильдар явственно прочитал в глазах собеседника вопрос: «А ты часом не ревизор?» Поняв свою ошибку, молодой человек пояснил:

– Николай Устиныч, да вы не обижайтесь. Я в Москве четыре года занимался в клубе юных моряков. Хотел судоводителем стать. А сейчас попросту сумничал, хотя не моё это дело.

– Ну, удивил ты меня, паря.

Закипевшая было беседа успокоилась. Разговор пошёл о Москве, готовившейся к олимпийским играм.

Перекус уже перевалил на второй час, когда в ресторан вошёл человек в синей матросской куртке и сообщил:

– Николай Устиныч, через 20 минут контрольный пункт Порог. Вас старпом кличет.

– Иду. Приходи на бак, зрелище я тебе обещаю, – обратился он к Ильдару.

Через десять минут по судовой трансляции раздалось сообщение:

– Внимание пассажиров. Теплоход «Валерий Чкалов» подходит к Казачинскому порогу – самому трудному для судоходства участку. Команде – по местам стоять!

Погружённое в спячку нутро теплохода ожило. Пассажиры разом высыпали на палубы. Капитан, старпом, вахтенный помощник с рулевым собрались в рубке, готовясь к предстоящим манёврам теплохода.

Боцман встал у якорной лебедки, два матроса выдвинулись впередсмотрящими, заняв места по правому и левому бортам. Хоть Ильдару и разрешили присутствовать на баке, но он предпочёл не высовываться и встал за спиной Николая. Все замерли в ожидании.

... Расположенный на среднем участке Енисея, в 230 километрах ниже Красноярска, знаменитый порог состоял из двух перекатов, Верхнего и Нижнего сливов.

– Как с деревенькой поравняемся, тут Казачинский и начнётся, – возбуждённо и немного радостно сказал Николай. В ответ Ильдар понимающе кивнул.

И действительно, вытянувшаяся «указкой» вдоль берега деревенька с нехитрым названием Порог словно специально была направлена своей единственной улицей на место, считающееся у речников самым труднопроходимым на Енисее. Тут река изгибалась, устремляя навстречу друг другу противоположные берега.

Началось сужение Енисея. Быстро и заметно для глаз ускорилось течение. Пароход устремился в «горлышко» шириною триста метров, образованное широкой отмелью, за которой вытянулись скальные выступы Енисейского кряжа, подпирающего могучую реку.

Практически сразу же, не дожидаясь, когда лайнер поравняется с крайним домом, начался первый пережат Казачинского порога. Он, словно подвыпивший гуляка, выписал на воде латинскую букву «S», развалился грудой скалистых подводных камней и плит, заняв большую часть русла реки. На протяжении семи километров для судов и барж остался узкий извилистый проход с почти четырёхметровым перепадом воды – от пережата до пережата.

Вокруг набирающего скорость парохода вспенились буруны, запрыгали на волнах красные бакена, обозначающие фарватер под левым берегом.

– Вперёд смотри-ко. Видишь, аккурат через четыре километра – скала. «Орёл» называется. Так её старые капитаны прозвали. На скале створы поставили. По ним и пойдём, – протянул Ильдару бинокль Николай Устиныч.

Присмотревшись, Ильдар увидел на каменном утёсе два навигационных треугольных знака с четко выделенной вертикальной полосой – от вершины треугольника к его основанию. Один знак располагался впереди и ниже по откосу скалы, другой – позади и выше. Вспомнив уроки судовождения в клубе юных моряков, Ильдар наблюдал, как капитан «Валерия Чкалова» аккуратно выводил судно на осевую линию фарватера – так, чтобы чёрные вертикальные полосы на створных знаках слились в одну сплошную линию.

Боцман не случайно упомянул старых капитанов, для которых Казачинский порог был сродни то ли с разбойничьей удалью, когда на карту была поставлена жизнь, то ли с резкими полётами вольных птиц. Так и родились, благодаря капитанам, на каждом участке этого отрезка реки свои звучные названия. Например, Верхний слив именовался Соколом, поскольку был узкий и быстрый, как эта хищная птица. Нижний слив был широким и мощным, как сам орёл. С годами «Орёл» переместился с воды на высокий речной утес, стоящий на левом берегу реки – в «сердце» Нижнепорожинского пережата.

– Гляди-ко, туер «Енисей» стоит. С виду неказистый, а скоко силишшы в нём – две тышшы лошадей! Вот когда суда обратно идут, он их против течения через порог ташшыт, – перекрикивает ветер боцман.

– И вас тоже? – зычным голосом поинтересовался Ильдар.

– Не-е. Тут течение где-то двадцать километров в час. А у «Чкалова» скорость – двадцать пять, а то и двадцать восемь будет. Обратно сами поднимаемся.

– А под килем сколько остаётся?

– Где три, где четыре метра. А в некоторых местах доходит до двух.

Если бы не произнесённое боцманом загадочное слово «туер», Ильдар вряд ли обратил бы внимание на судно, стоящее у берега. А между тем его капитан вышел из рубки и приветливо помахал рукой своему коллеге на пассажирском теплоходе. Он терпеливо ждал прохода «Валерия Чкалова» по узкому одностороннему коридору, чтобы спуститься следом по течению и открыть семафор для грузовых судов и барж.

Получивший название «Енисей», дизель-электроход уже полтора десятка лет честно отработывал уважаемое в Сибири имя, с тех пор как был спущен на воду со стапелей Красноярского судоремонтного завода. Прямо-таки не богатырского вида, он больше смахивал на большой двухпалубный буксир с покатым зауженным носом, кончик которого обрезали, оставив «ворота» для пропуска троса, закреплённого с помощью цепей на дне реки. Две высоченные трубы обозначали корму, которая занимала почти половину буксира.

Судно со столь необычными пропорциями было задумано и построено корабелями специально под Казачинский порог. На просторной открытой корме располагалось главное уникальное достоинство туера – его мощная лебёдка, с помощью которой караваны судов преодолевали бурное встречное течение.

Для речников, служивших на «Енисее», судоходная лоща определилась всего лишь десятком километров необъятной и протяженной реки. Вроде бы путь – короче некуда, не похвастаешься. Но большинство судов на реке не могло обойтись без помощи трудяги «Енисея», хотя сухогрузы, лесовозы да баржи могли превосходить его по размерам вдвое, а то и втрое. Они выстраивались в очередь, терпеливо ожидая, когда туер потащит их караван вверх по течению. И он тащил, неторопливо обходя камни и подводные буруны, порой совершая до десяти подъёмов за длинный летний день.

Что же до замысловатого слова «туер», то тут «Енисей» был обязан французам. Оно значило «цепной пароход» или буксир, движущийся вдоль уложенной по дну цепи. Их стали использовать с первой половины XIX века.

В России, тем более Сибири, эта задача ложилась на плечи лямщиков, или бурлаков, которые тянули лямки через Казачинский порог аж до 1903 года, пока на реке не появился первый туер «Святой Иннокентий». Он буксировал 60 лет, поработав как на царя, так и на советскую власть, но уже под именем «Ангара». И, наконец, был списан, уступив лямку «Енисею».

...Преодолевая перекаат, разогнавшийся пароход старался прижаться к левому берегу. Стоящих на палубе пассажиров окружил свист ветра, искрящиеся на солнце клубы разлетающихся брызг, разбегающиеся во все стороны вспененные валы и гул воды, разбивающейся о камни. Этот организованный хаос ненадолго пропал, как только судно поравнялось с небольшой речушкой Савина, впадающей в Енисей. Она словно стрелка показывала на остров, спрятавшийся за поворотом беснующейся реки.

– Подпорожный, – закричал в ухо Ильдару и вытянул руку Николай.

Покрытый деревьями скалистый остров Подпорожный, видимо, когда-то принадлежал Енисейскому кряжу. Но затем откололся. И теперь в этом месте река разделялась на два потока.

Но прежде «Валерию Чкалову» надо было «перемахнуть» через Нижний слив и второй перекаат Казачинского порога.

Речные «зубья» вылезли из воды, судоходная часть сузилась до 70 метров. На подходе к острову и главному руслу, огибающем остров слева, всё бурлит, перемешивается и грохочет: водовороты и буруны заполнили пространство реки, не оставив спокойного места. Валуны и скальные плиты вытянулись лентами через реку, то демонстративно грозно выпячиваясь мокрыми, обтёсанными водой, боками, то уходя целиком под воду, оставляя на поверхности белое пенящееся «одеяло». Попадешь на такое «одеяло» и, считай, пропал. Закрутит и разобьёт.

Другая часть реки, с правой стороны острова, словно в насмешку выглядела спокойной и безмятежной. Но природа так распорядилась, что воспользоваться этой протокой, получившей имя Заостровка, было невозможно. Вход в неё закрывал большой камень, а в конце протоки намыло замысловатый треугольный островок. Так что ни войти, ни выйти.

– А скоко здесь пароходов да барж затонуло, днище пробило – и не сошшытать.

Пока боцман рассказывал очередную историю, «Чкалов» аккуратно поворачивал на Нижнем сливе. Пароход задрожал, сопротивляясь желанию реки свалить его сильным боковым подводным течением с речного створа на грозные камни.

На протяженных Казачинских перекаатах терпели крушение многие суда. Некоторые из них оставили долгую память и дали названия камням и подводным плитам, на которых они затонули. Так в лощи появились предостерегающие отметины «Модест», «Красная плита» или ограждающий камень «Майдан».

Самая крупная катастрофа случилась в 1898 году. Ей предшествовал ряд событий. За два года до крушения красноярский купец Михаил Шарапов приобрёл двухколесный пароход «Россия» у крупного судовладельца Николая Гадалова. Сделка сулила барыши, и на радостях купец решил её отметить прогулкой с семьёй на приобретённом судне.

Пока взрослые праздновали, его сынишка Модест играл на корме, спуская за борт на верёвочке игрушечный кораблик. Ребенок заигрался, перевесился через ограждения, упал в воду и утонул. Потрясённый купец в память о сыне решил переименовать судно и назвал его именем «Модест».

Опытные моряки считают переименование судна с первоначального на другое – плохой приметой. Хотя со сменой судовладельца такая практика – не редкость. Как бы то ни было, но вновь названный пароход сумел сделать лишь несколько рейсов до Енисейска. В октябре 1897 года «Модест» накрыла ранняя шуга – первый осенний мелкий лёд, который нёсся по реке навстречу вместе с обмёрзлыми комьями снега. Запас дров был на исходе. С ободранными бортами, покрытый куржаком и гроздьями сосулек, сжигая в топках пассажирские кресла-сиденья, «Модест» с трудом преодолел Шиверские перекаты. Радостная команда завела судно в протоку, где и прошла его зимовка.

В сентябре 1898 года грузопассажирский пароход «Модест» вошёл на спуск Казачинского порога. Первый перекат был пройден, но, когда капитан стал заходить на Верхний слив, лопнул штуртрос. Все попытки рулевого, отчаянно крутившего штурвал, повернуть судно были тщетны. Лишённый управления пароход понесло на камни. Удар о подводную плиту был такой силы, что «Модест» разорвало пополам. Кормовая часть с грузом и скотом затонула, а носовая, с обезумевшими от страха людьми, осталась на каменной плите.

– В народе говаривали, будто это мальчонка... купеческий сын... корму себе забрал. Не успел, значит, наиграться в тот день, – задумчиво произнёс Николай.

Пассажиры с членами команды метались по остаткам палубы, заливаемой водой и уже не надеялись на спасение.

Жители находившейся рядом деревни стояли на берегу, наблюдая за трагедией. Они причитали, охали, крестились, но чтобы спасти людей – смельчаков не находилось.

Не выдержал бакенщик Григорий. Сначала уговорами, а затем и упрёками старался заставить мужиков сцепить лодки и прийти людям на помощь. Но односельчане только подались назад, мотая головами.

– Чё же вы стоите, окаянные! Ведь погибнуть православные, – махнул рукой Гришка. Помчался к берегу, крича на ходу: – Митька, бери весла. Поможешь вытащить людей.

Прыгнули в утлую лодочку бакенщик с сыном. Не раз и не два, рискуя жизнью, пробирались они среди бушующих волн к затонувшему судну. Снимали потерпевших, везли к берегу и снова возвращались, пока не спасли всех.

На этом история не закончилась. Зимой, когда вода упала, носовую часть судна достали из реки и на 80-ти лошадях перевезли в Красноярск. Там ему приварили новую кормовую часть и спустили на воду, вернув прежнее имя «Россия». В 1923 году «бедовый» пароход назвали «Владимир Ленин», а в 1930-м он опять был переименован. Став «Владимиром Маяковским», судно проходило по Енисею вплоть до 1962 года.

Что же до плиты, на которой переломилось судно, то она осталась в лоциях под именем «Модест», и капитаны облегчённо выдыхают, проходя это место порога.

...Лишь когда остров Подпорожный остаётся далеко за кормой, река умиряет свой буйный нрав.

– Ну вот, прошли. Теперь до Енисейска – ни швартовок, ни, Бог даст, беды не будет. Можно спокойно повечерять, – заулыбался Николай.

Одобрительно кивнув матросам, он тихонько подтолкнул Ильдара к трапу на нижние палубы.

В каюте было удивительно тихо. Рокот паровых дизелей растворился в плеске волны, взлетающей к иллюминатору и пропадающей обратно.

– Дак ты садись, – пригласил Николай. И открыл шкафчик, доставая снедь и стаканы.

Он делал это неторопливо. Аккуратно нарезал помидоры, поставил солонку, развернул из газеты курицу, наполнившую каюту домашним ароматом. И лишь потом достал из рундука приготовленную бутылку.

Наполнив стаканы, усмехнулся и заметил:

– У меня сосед был, тоже татарин. Вы чем-то схожи. Глаза такие же карие. Только поужее будут, чем у тебя. И он посуластей. Хороший мужик. Улетел в Магадан. А ты-то чё в Енисейск подался?

– Подзаработать хочу. Есть там контора, Енисейлесосплав называется. Вот мне в Москве и посоветовали.

– Ето хто ж те такое присоветовал, миллок? Там ведь зона. Убивцы сидят. Они и ворочют брёвна-то.

Ильдар, потянувшийся за помидором, остолбенел:

– Какая зона?

– Знамо, какая. С одной стороны – комбинат, а через реку – лагерь.

– Но их же охраняют, стерегут?

Николай рассмеялся и снова наполнил стаканы.

– Эх, паря! Кто их станет охранять-то, да и зачем? С одной стороны – батюшка-Енисей, переплыть который не сможешь. А с другой стороны – матушка-тайга, – молвил боцман, заглядывая в испуганные глаза собеседника.

Видимо, довольный произведённым впечатлением, он по-отечески хлопнул Ильдара по плечу и, подняв стакан, наставительно добавил:

– Ежели будут звать на охоту – не ходи. У нас так принято: кого на охоту покличут, тот либо в болоте утопнет, либо в глухомани пропадает. Одно слово – тайга!

Уже в своей каюте шокированный молодой человек заново прокручивал в голове разговор с боцманом. «Куда плыву? – не мог заснуть Ильдар. – Вот дуралей. Согласился... Чего полез на рожон? И поворачивать поздно. Ладно, разберёмся».

Наконец, навалившаяся усталость накрыла возникнувшие было страхи пеленой и под убаюкивающий еле слышный шёпот реки молодой человек уснул.

Глава 2. Комсомолу 60 лет

Нарастающий гул аплодисментов заполнил всё пространство небольшой комнаты. Задремавший перед телевизором Ильдар открыл глаза. Краткий сон все-таки снял усталость после вечерней тренировки. Молодой человек не без удовольствия посмотрел на новенький цветной телевизор, который был куплен пару месяцев назад.

Последнее достижение отечественной телевизионной промышленности «Рубин Ц-201» распределяли исключительно по талонам. Один из них вручили на майские праздники матери Ильдара – как ветерану Великой Отечественной войны. Телевизор стоил 775 рублей, и помимо отложенных накоплений пришлось в спешном порядке собирать недостающую сумму, влезать в долги. Но жалеть о потраченных деньгах – не приходило в голову.

Под новую покупку в комнате была переставлена вся мебель. Этот процесс вызвал оживлённую дискуссию между матерью и сыном, поскольку даже в самой большой комнате малогабаритной квартиры никак не удавалось разместить уже нашедшее своё место пианино «Красный Октябрь» и прибывший внушительный «Рубин». Мама держалась до последнего.

– Ты посмотри, какая красота! Это же ореховая отделка. Я заплатила за него такие деньги! И ты хочешь задвинуть пианино в бабушкину комнату? Оно должно стоять в гостиной.

– Ну, не получается. Да и о какой гостиной ты говоришь? Разве она у нас есть? Мы обедаем в этой комнате. Я здесь готовлюсь к семинарам, экзаменам. Наконец, сплю на диване.

Рухнул и последний довод.

– Хорошо, как же ты будешь заниматься музыкой? Бабушкина комната – маленькая.

Ильдар вопросительно посмотрел на мать. Он уже и забыл, когда последний раз подходил к инструменту. С окончанием школы закончились и занятия по классу фортепиано. Большая коробка с нотами давно разместилась в антресоли.

Ания Хафизовна прочитала этот взгляд и, махнув рукой, перестала настаивать. Тяжеленный «Красный Октябрь», словно неповоротливый линкор, медленно перетащили в соседнюю комнату.

Вместе с перестановкой было решено «освежить» и местами подремонтировать мебель. Под это был нанят бывший краснодеревщик дядя Миша. Рассказывали, что когда-то он делал мебель по заказам московских партийных вождей. Но, подобно персонажу Лескова, советский «Левша» не просто любил выпить, но и уходил в запой, срывая намеченные планы руководства спецфабрики. У кого-то из начальников «лопнуло» терпение – и дядю Мишу «попёрли» из закрытой артели.

Тем не менее мастер знал себе цену, всем заявлял, что мастерство – не пропьёшь, и менее чем за «трешку» услуги не выполнял. Он грамотно выправил провисшие двери платяного шкафа и даже покрыл мебельным лаком проступившие на нём царапины. По-новому стал выглядеть потёртый на углах сервант, в котором размещалась одна из реликвий дома – сервиз Императорского фарфорового завода.

Даже диван с выцветшими подушками получил свою толику внимания. Дядя Миша заменил подлокотники и перетянул его обивку.

А сам телевизор установили на старый массивный комод из тёмного дерева с прочными изогнутыми ножками и широкой крышкой, идеально подходившей по размерам.

Доставленный прямо с московского завода, телевизор стал главной семейной достопримечательностью, перевернув привычный мир ощущений, наполнив комнату всеми цветами радуги. Благо, что с 1977 года стали цветными все передачи Центрального телевидения.

...Молодой человек прибавил звук, всматриваясь в экран. Картинка замерла на праздничной трибуне с золотым гербом Советского Союза и почётном президиуме в привычные для съездов три ряда.

Брежнев, Косыгин, Сулов, Кириленко, Гришин, Устинов, Андропов – всё Политбюро ЦК КПСС сидело в первом ряду за широким, затянутым зелёным сукном, столом. Далее находились кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, министры союзного правительства. Значимость происходящего была подчеркнута скульптурной композицией, которую, без каких-либо оговорок, можно было назвать мемориальным монументом, воздвигнутым в глубине, за спинами сидящих. Из огромного пьедестала, стилизованного под белый гранит, вырастала колонна, на вершину которой вознёсся бюст вождя мирового пролетариата с развёрнутым за ним кумачом.

Но это был не съезд, и даже не пленум. На преисполненной величия сцене, по обе стороны от знамени Страны Советов в воздухе парили две гигантские даты: «1918» и «1978».

В пятничный октябрьский вечер на всю страну из Кремлёвского Дворца съездов шла праздничная трансляция. Комсомол отмечал свое 60-летие.

– Дорогие товарищи! Участников торжественного заседания пришли приветствовать юные пионеры, – объявил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов.

Горнисты с красными пилотками, в алых костюмах, подпоясанных белыми ремнями, с перекинутыми аксельбантами двинулись из-за кулис к трибуне. Как святыню несли они длинные горны с широченными вымпелами, украшенными золотыми кистями. Священность символа пионерии должны были подчеркнуть надетые белые перчатки-краги.

Ильдар поймал себя на крамольной мысли, что перчатки горнистов почему-то удивительно были похожи на краги инспекторов ГАИ.

Ступенькой ниже, параллельным курсом с горнистами, маршировали юные барабанщицы – тоже в красных пилотках. У каждой девочки из-под головного убора букетами вспыхивали два ярких воздушных белых банта.

Видимо, для контраста, барабанщицы одели в желтые костюмы с алеющими на груди красными галстуками, подпоясав наряд всё теми же белыми ремнями с золотыми пряжками. Единение с горнистами также подчёркивали уже знакомые белые перчатки с широкими рукавами. Ещё один символ – барабанные палочки взмывали от бедра высоко к плечу и с той же ритмичностью отбрасывались обратно к ноге.

Под бравурные аккорды зовущей на подвиги песни зал поднялся с кресел.

– Есть у нас, у советских ребят,
Точный компас, ведущий сквозь годы, —
Это верность мечте и стране Октября
Верность партии, верность народу.

Почти синхронно с окончанием куплета раскрылись все двери главного зала страны и с разных сторон, словно ручьи, заполняя проходы, хлынули по направлению к сцене десятки пионеров в белых рубашках.

Одновременно перед президиумом выстроились пятнадцать пар мальчишек и девчонок, одетых в национальные костюмы союзных республик с повязанными поверх пионерскими галстуками. У них была непростая и, в прямом смысле, нелёгкая задача. Каждая пара старательно держала перед собой огромную книгу-адрес «60-летию ВЛКСМ», на обложке которой была отображена либо карта республики, либо вышиты узоры, демонстрирующие национальный колорит родного края.

Самые достойные и, соответственно, гордые от возложенной на них миссии, шесть подростков с сияющими от счастья глазами встали за трибуной.

– По всем городам и тысячам сёл
Галстуков алых цветенье, —

начала девочка, с чувством и расстановкой выговаривая строки, потрясая бантами с каждым кивком головы.

– Салют тебе, родной комсомол,
В день твоего рождения! —

вскинули руки, стоящие на трибуне.

Прерываемые аплодисментами, достойнейшие пионеры продолжали поэтический апофеоз.

– Какое счастье быть с тобою рядом.
Вслед за тобой в грядущее шагать.
Спасибо, комсомол – бессменный наш вожатый —
За то, что учишь жить, работать, побеждать!

Наконец, после произнесенных бодрых речёвок для мальчиков и девочек, наряженных в национальные костюмы, наступил долгожданный момент – рапорты-фолианты пионеров всех республик страны выложили на зелёное сукно перед членами Политбюро.

– Так почему ты здесь, а не там – в зале? – вошедшая в комнату мать пристально смотрела на сына.

Вопрос был не праздный. Ещё на третьем курсе Ильдара ввели в состав институтского совета научно-исследовательских работ студентов. Следующим по значимости был комитет комсомола всего Московского энергетического института. Конечно, Ильдар хотел подняться на новую ступень. Это открывало совершенно иные возможности для будущей карьеры. И подвижки в этом направлении были.

Месяц назад Ильдар сообщил матери, что его внесли в список делегации от института для участия в торжественном заседании в Кремле. Ания Хафизовна радостно всплеснула руками. Ильдар тоже не скрывал эмоций. Под предстоящее событие была куплена новая рубашка. Но потом что-то пошло не так.

– Разрядку сократили. Посмотри сама. В партере, где больше всего мест, сидит партийная номенклатура. А комсомольцев загнали на балконы, – показал на телевизор Ильдар.

– Почему же ты сразу не сказал? Мы бы обратились к Фёдору Ивановичу, – настаивала Ания Хафизовна.

Задумавшись, Ильдар посмотрел на мать. Да, парторг Академии Генерального штаба, пожалуй, мог бы позвонить кому надо и решить вопрос. Да только зачем ему это делать? Уж сколько лет длятся их отношения, но не припомню такого случая, чтобы мамин «друг» брал на себя сколько-нибудь серьёзные обязательства.

– Мама, он ничего не будет делать. Пойми это наконец. Кто я ему, сын? – начал раздражаться Ильдар.

– Как ты можешь так говорить? Фёдор Иванович – хороший человек. Он не может сейчас развестись. Ты знаешь, у его жены тяжёлая неизлечимая болезнь. Но как только это случится, как только он станет свободен, мы оформим отношения, и я перееду к нему. Вся наша квартира останется в твоём распоряжении.

Ильдар не стал спорить. Эти планы на будущее, в котором не надо было пересчитывать рубли, в ожидании стипендии или маминой зарплаты, не придётся тесниться в маленькой двухкомнатной квартире, и мать наконец-то обретет свое женское счастье – он слышал не первый год. По сути, мечтая, строя планы на другую, радостную жизнь, Ания Хафизовна хотела уйти

от прежней судьбы, где не нашлось места счастью, а была лишь война и заботы о воспитании сына.

...Сама дата ее рождения – 22 июня 1923 года, предопределила для девочки фатальный ход событий. Школу закончила в 1941 году. В то самое роковое воскресенье на её день рождения собрался весь класс. С трудом разместились за столом, выпросив у соседней стулья, приготовились поздравлять новорожденную – и вдруг репродуктор оборвал музыкальную трансляцию. Народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов объявил на всю страну:

– Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Девчонки оторопели, а мальчишки-одноклассники радостно переглянулись.

– Через две недели будем в Берлине! – потирая руки, воскликнул Серёжка Фокин.

После этих слов ребята выскочили из-за стола и помчались в военкомат.

Ания на фронт не стремилась. Да и какой там фронт. Двух старших братьев призвали в армию. Надо было заботиться о младших и помогать родной сестре, только что родившей сына. И она пошла на работу в Центральный телеграф – там было лучшее обеспечение по карточкам.

В конце ноября 1941 года девушку призвали и отправили на фронт, который грохотал на подступах к столице. Чтобы не было никаких сомнений, военком, вручая повестку, сопроводил словами:

– Ваше уклонение будет караться по законам военного времени.

В отличие от одноклассников, большинство из которых погибло в первый год войны, девушке повезло. Она встретила победу в Берлине.

На этом жизненная удача закончилась. Потенциальных женихов поубивала война. Попытки найти личное счастье наткнулись на домостроевский уклад её родителей:

– Мужем должен быть только татарин.

Наконец, таковой нашёлся. Он был моложе её на 8 лет, работал в вагоне-ресторане, любил приложиться к бутылке и мотался по городам Советского Союза «без царя в голове». После рождения Ильдара у его папаши терпения хватило ровно на полгода, после чего он бросил жену и грудного ребёнка.

Ильдар достаточно рано понял, что его жизненный путь не станет прогулкой по розарию. Школа на Арбате встретила первоклассника снобизмом и национальным вопросом. Когда на первом уроке дошли до его имени, несколько человек рассмеялись, зажимая рты. Мария Сергеевна тоже улыбнулась, отложила в сторону журнал и снисходительно добавила:

– Ну, не надо смеяться. Давайте будем называть тебя Ильей.

Дома Ильдар проревел весь вечер.

– Почему меня не назвали Сашей или Серёжей?

– А ты знаешь, что у тебя особенное имя? – успокаивала мама.

– Не-е-ет.

– Оно означает «вождь» или «главный». Это слово пришло из сказочной страны Персии.

– А это где?

– На востоке. Спи. Я потом тебе расскажу.

Ания Хафизовна была женщиной волевой и решительной. Эти черты характера сформировались и закалились на фронте. Она знала, как поступить. Будучи старшим преподавателем английского языка в Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил СССР, Ания доложила о случившемся заведующему кафедрой. Тот счел поступок учительницы возмутительным и накатал рапорт в политотдел.

Через два дня в кабинет директора арбатской школы вошел порученец начальника академии генерала армии Владимира Иванова. Полковник задал только один вопрос:

– Почему в стенах школы пропагандируются шовинистические идеи, чуждые политике партии в многонациональном Советском Союзе?

Директору вызвали «скорую», училка отправилась искать новую школу, а Ильдару вплоть до 5-го класса ставили исключительно оценки «4» и «5».

В отсутствие отца авторитетом для Ильдара стал его дед. Прожил он не долго, но успел растолковать подростку, что полагаться в этой жизни придётся только на себя.

– Добивайся всего сам. Трудностей, неприятностей будет много. Но бояться не надо. Держись, словно у тебя внутри железный прут, – наставлял он внука.

Со временем эти нехитрые уроки стали жизненным кредо Ильдара. Хотя и жизнь внесла свои коррективы, заставляя его внимательно относиться к окружающим обстоятельствам, руководствоваться разумом и, при необходимости, подстраиваться под ситуацию.

Ильдар любил свою мать. Став взрослым, он понял, каких усилий стоило матери поднимать его в одиночку. Как она хваталась за дополнительную работу, переводя тексты, барабаня вечерами на пишущей машинке, чтобы оплатить его занятия в музыкальной школе или купить новый костюм.

Несмотря на её сложный и жесткий характер, сын уважал мать. И не только потому, что это был один из неписаных канонов, который с малых лет закладывался в татарских семьях. Он ценил её за трудолюбие и упорство. В то же время не хотел повторить судьбу своей матери – жить от зарплаты до зарплаты без лишних непозволительных расходов.

Да и этот призрачный план – оставить ему квартиру – вызывал у молодого человека двоякое чувство. Большую половину своей жизни Ильдар ютился с мамой в коммуналке. Сталкиваться с соседями в коридоре, караулить освобождающуюся ванную комнату радости не доставляло, но стало привычным бытом. Поэтому, когда в результате немислимого хитрого обмена им удалось съехаться с бабушкой и переселиться в малогабаритную двухкомнатную квартиру на Стрелецкой улице – это казалось счастьем. Даже не пугала теснота и неудобства проживания трех взрослых человек.

По прошествии нескольких лет бабушка умерла от старости. Остались они вдвоем. Теперь у каждого была своя комната. Теснота отступила. Но никуда не делись особенности района, куда их забросила судьба.

Уже само название улицы подсказывало, что здесь в XVII веке была одна из стрелецких слободок, где, в частности, находился Бутырский стрелецкий полк. В историю он вошёл как первый полк, вставший на сторону Петра I во время мятежного Стрелецкого бунта 1698 года. Верность царю не была забыта и за служивыми сохранили дворовые места и хозяйства, освобождённые от пошрины. Оставившие службу стрельцы становились торговцами или ремесленниками – кузнецами, сапожниками, лавочниками, создавая особый мир Бутырской слободы.

Со временем появились одно-двухэтажные домики, вокруг которых зашумели фруктовые сады. Сложилась своеобразная атмосфера московских окраин, где с соседней улицы раздавался стук кузнечного молотка, доносилось мычание коровы или крик петуха, взлетевшего на ограду. По переулку, мощённому булыжником, проносился с грохотом экипаж, но через несколько мгновений всё возвращалось к умиротворенному ритму, запахам свежеспечённого хлеба и пению птиц.

Будни великих строек разрушили до основания этот патриархальный мирок. Индустриализация, охватившая страну, не забыла и про столицу. В Бутырской слободе возвели цеха комбината твёрдых сплавов, московского завода алюминиевых изделий, построили для нужд трудящихся мебельную фабрику «Москва». Загудели паровозы, зашумели составы на построенной рядом окружной железной дороге.

Поэтому Ильдара совсем не радовала перспектива прожить остаток лет среди промышленного гула, к которому периодически добавлялся чёрный дым, поднимающийся по ночам из трубы мебельной фабрики. Была у них такая привычка – сжигать в печи покрытые лаком отходы, по каким-то причинам не ставшие столами, стульями.

Естественное желание изменить свою жизнь, окружающий его мир не давало покоя молодому человеку, будоражило сознание. Однако покупка кооператива в приличном районе требовала серьёзной суммы, которой у Ильдара пока что не было.

...Ания Хафизовна села за стол и с сожалением посмотрела на сына. Потом вздохнула и сказала уже твёрдым голосом:

– Жалко, конечно... Но рубашку всё равно надо было покупать.

– Мам, ты не расстраивайся. Посмотри на них. Тот же президиум, те же люди. Ничего же не меняется. Было бы здоровье, а съезды ещё будут, – успокаивающе сказал Ильдар.

Болезненная тема осталась позади. А счастливые пионеры Страны Советов перешли к здравнице Генерального секретаря ЦК КПСС, не торопясь и тщательно выговаривая слова, переходя с высокопарной прозы на стихотворные рулады.

– Дорогой Леонид Ильич! Пионеры, все ребята нашей страны горячо и нежно любят Вас – большого, доброго друга советских детей!

До сей поры сидевший безучастно, Брежнев прислушался и надел наушники.

– У Вас секунды лишней нет —
Известно это детям.
Тревожит вас судьба людей
На всей большой планете, —

проявляли политическую подкованность стоящие на трибуне молодые декламаторы.

– Вам желаем быть здоровым
И беречь себя чуть-чуть,
Чтоб могла к победам новым
Наша Родина шагнуть.

С последним пассажем потеплели лица партийных функционеров, сидящих в первых рядах партера. Зал взорвался аплодисментами, за которыми последовала финальная скрипичная сюита.

– Вот видишь, я же говорил, что всё в конечном счете сведётся к крепкому здоровью вождя, – обратился Ильдар к матери.

Они оба рассмеялись и пошли пить чай.

Глава 3. Любовный водоворот

Вестибюль первого этажа Московского энергетического института напоминал муравейник. Во время наступившего обеденного перерыва большая часть студентов торопилась покинуть главный учебный корпус и разбежаться по столовкам, успеть заглянуть в новую научно-техническую библиотеку или отправиться в рядом стоящий лабораторный корпус, который студенты прозвали «Бастилей».

Красноказарменная улица, пересекающая стрелой старинный район Лефортово, нанизала на свою трамвайно-троллейбусную нить несколько институтов. Но только МЭИ мог похвастаться уникальностью «Бастилии» – зданием, выразительным по внешнему виду и удивительным по содержанию.

Построенное в 1932 году, оно и впрямь напоминало крепость. Сохранившийся яркий памятник советского авангарда представлял собой восьмиэтажную массивную башню с круглыми окнами-иллюминаторами, расставленными в виде спирали, опоясывающей цилиндр с классическими геометрическими пропорциями. Такое расположение окон объяснялось не прихотью авторов проекта, а их нетрадиционным решением подъёма студентов и преподавателей с этажа на этаж.

Архитектурная изюминка «Бастилии» состояла в том, что вместо привычных лестниц с первого до последнего этажа тянулся широкий пандус, имеющий форму изогнутой подковы. Тем самым каждый из поднимающихся на тот или иной этаж двигался размеренно и даже степенно. Так как лабораторные занятия требовали от студентов сосредоточенности и не терпели суеты, то в неторопливом подъёме по пандусу имелся глубокий смысл. А поскольку вместо традиционной крыши было установлено большое прозрачное окно, то поднимающиеся студенты «тянулись» к свету – вне зависимости от желаний.

Впрочем, можно было подняться и на лифтах, которые были ещё одной «фишкой» оригинального здания. Две параллельные «ленты», составленные из кабинок без дверей, двигались непрерывно, без остановок – словно вертикальные эскалаторы – одна вверх, и рядом другая – вниз. Это было прикольно – успеть зайти в движущуюся кабину и также успеть выйти на нужном этаже.

Родиной изобретения таких лифтов была Великобритания. В XIX веке они появились сначала в Ливерпуле, а затем уже и в Лондоне: поначалу в Главном почтовом отделении столицы, и позднее – в высотных офисных зданиях. Затем идею переняли немцы. И, наконец, после Гамбурга и Штутгарта, оригинальные лифты «добрались» до Москвы, где были установлены лишь в нескольких организациях. Ими оказались здания Центросоюза, Министерства сельского хозяйства, Московского энергетического института и Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил СССР имени К. Е. Ворошилова.

Лифты именовались «патерностерами». Если бы студенты МЭИ изучали латынь, то могли бы сопровождать каждое вознесение обращением к Всевышнему, поскольку изречение *Pater noster* было литургическим. С этих слов начиналась «Молитва Господня» и переводились они как «Отче наш». Но посетители Бастилии были убеждёнными атеистами, поскольку изучали марксистско-ленинскую философию и рассматривали патерностеры как веселую забаву или аттракцион.

Время от времени кто-нибудь из студентов «забывал» выйти из лифта на последнем восьмом этаже. Кабинка увозила его в темноту, там она на какое-то время замирала, затем перемещалась на параллельную «обойму» и... начинала движение – обратно вниз. На восьмом этаже экспериментатора уже поджидал лифтер, который в доступной форме и понятных для студента выражениях высказывал ему всё, что о нём думает.

...Ильдар привычно прошёл через толпу, скопившуюся у колонн главного учебного корпуса. Прямо перед входом энергично спорили двое молодых людей, перемежая славянскую речь русскими словами.

«Поляки?..» – подумал Ильдар.

Он прислушался к разговору. Похоже, первокурсники. Спорят, в какую сторону идти к Дому культуры МЭИ. Надо помочь. Он подошёл и поздоровался. Бурная дискуссия разом затихла, и взгляды спорящих обратились к Ильдару.

– Ребята, вам нужен Энергетический проезд. Здесь рядом. Это за углом, – показал он рукой.

Молодые люди радостно закивали головами. Один из них благодарно хлопнул Ильдара по плечу.

Вообще-то студентам радиотехнического факультета запрещалось общаться с иностранцами. Министерство обороны было заинтересовано в подготовке специалистов по радиотехническим военным специальностям и, начиная с первого курса, приплачивало студентам по 15 рублей сверх положенной стипендии. Факультет негласно считался закрытым к поступлению для ряда граждан. Это не афишировалось, но когда абитуриент подавал документы на поступление, то в обязательном порядке заполнял анкету – «личный листок», в котором фигурировала пятая графа. Если юноша был еврейской национальности, то его отсеивали до вступительных экзаменов – на медицинской комиссии.

Объяснялось всё просто. С третьего курса у студентов радиофака начинались занятия на военной кафедре, где изучалась спецтехника с грифом «секретно». Именно тогда с них брали подписку об исключении нежелательных контактов с иностранцами.

Как можно было на практике выполнить этот запрет – оставалось загадкой. То есть наказ избегать встреч с американскими шпионами вопросов не вызывал. Но среди 25 тысяч студентов энергетического института была большая группа обучающихся, которые прибыли из стран народной демократии или Ближнего Востока. Там ощущалась острая нужда в подготовке специалистов в областях энергетики, энергомашиностроения, электромеханики, автоматики и вычислительной техники. Наконец, когда в 1976 году в МЭИ создали десятый факультет – энергофизический, на котором готовили инженеров по криогенной технике, обслуживанию атомных электрических станций, поток абитуриентов из заграницы заметно вырос.

Студенты радиотехнического факультета находились на особом положении, но избежать встреч со своими иностранными сверстниками не представлялось никакой возможности. В перерывах между лекциями обедали в одних столовых, сидели рядом в читальных залах библиотеки, пересекались на дискотеках во Дворце культуры или на стадионе «Энергия».

...До начала лекции оставалось полчаса. Ильдар направился в фойе второго этажа. Поднимаясь по широкой мраморной лестнице, он услышал звуки рок-н-ролла. На экранах телевизоров, подвешенных к потолку, «зажигала» Сюзи Кватро, выступая на одном из концертов, состоявшихся в ходе турне по Австралии. Американская «героиня в кожанке» с электрогитарой в руках собрала в фойе толпу студентов, забывших о своих планах на обеденный перерыв.

«Ох, и влетит им когда-нибудь», – подумал Ильдар. Он знал, что порой его друзья – старшекурсники с радиофака, работавшие в телецентре МЭИ, в перерывах между лекциями откровенно хулиганили. Вместо тематических программ, рекомендованных к показу по институтским телевизорам, они запускали ролики, записанные с западных телеканалов.

– Привет, Ильдар, – прорвался сквозь музыку знакомый голос.

Молодой человек осмотрелся и встретился глазами с Юлей. Это была девушка, с которой встречался его друг Андрей Малиновский. Их отношения длились уже пару лет. Они часто бывали вместе на различных вечеринках. Мама Юли всячески поощряла эту дружбу. Занимая высокий пост в Министерстве культуры, она доставала для молодых людей пропуска на закры-

тые кинопросмотры, не забывая при этом облагодетельствовать Ильдара и других товарищей Андрея.

По мнению друзей и знакомых, наблюдавших, как развиваются отношения между молодыми людьми, Юля, что называется, втюрилась в рослого красавца, классно играющего на гитаре, и строила самые серьёзные планы. И, как следствие, – очень ревностно относилась к гулянкам потенциального жениха без её участия.

Что касается самого Андрея, которого друзья прозвали «Малиной», то Юля ему нравилась, и он даже испытывал некие обязательства перед ней. Летом отказался поехать с Ильдаром в Пицунду.

– Как я поеду без неё? – спрашивал он друга.

– Как? Поездом поедешь, если денег на самолет не найдём. Не валяй дурака! Разлука пойдёт на пользу. Проверишь чувства, – философски рассуждал Ильдар.

Немного поколебавшись, тогда Андрей всё-таки отказался. Но натура гуляки просилась наружу, и молодой человек не торопился расставаться с преимуществами холостяцкой жизни.

Как близкий и давний друг Андрея, Ильдар многое знал об их отношениях. Но он меньше всего ожидал увидеть Юлю в середине дня в главном учебном корпусе МЭИ. Девушка училась в МГУ, а путь от Ленинских гор до Лефортово был не близкий.

– У меня в университете получилось «окно», отменили занятия. Хотела увидеть Андрея, но не могу его найти, – извиняющимся голосом сказала Юля.

«Мудрено его найти», – подумал Ильдар. Он знал, что его друг решил пропустить последнюю лекцию и отправился в общежитие – отмечать день рождения однокурсника. Судя по покупкам к столу, веселье ожидалось на славу! Всё бы ничего, и секрета можно было не делать. Но ребята пригласили девчонок с электромеханического факультета. Как ей сказать? Да и что говорить? Свалилась как снег на голову!

– Я думаю, он в библиотеке. Зачёт на носу, – не моргнув глазом ответил Ильдар.

– Это в новом здании? Ты подскажи, где читальный зал. Я найду, – обрадовалась Юля, подхватывая на плечо сумку.

– А, не... Ничего не получится... Это спецбиблиотека, на военной кафедре. Туда вход только по списку или пропускам.

– Жаль, – с обидой, протяжно ответила девушка. Она начала сердиться на то, что впустую тащила через всю Москву, но потом вдруг спохватилась и недоверчиво посмотрела в глаза Ильдару: – А чего-то он в библиотеке? У него же лекция должна быть.

– Юля, ну, бывают моменты, когда приходится выбирать. Ты меня извини, но мне надо идти в аудиторию. Предмет сложный. Если опоздаю, царица Тамара на экзамене припомнит.

Как бы сожалея, что вынужден прервать разговор, Ильдар развёл руками. Хотя на деле молодой человек лукавил. Времени дойти до аудитории оставалось достаточно. Но в его словах была и правда.

Профессор Антонова Тамара Алексеевна читала курс «Антенные устройства». По сути, это был спецкурс, который изобиловал специфическими терминами и системами, требовал серьёзной математической подготовки, знания теории распространения радиоволн и многого чего ещё. То есть не для средних умов. Но это было полбеды. Другая проблема состояла в том, что наречённая студентами «царица Тамара» была теткой вьедливой, а порой и вредной. Она целиком отдавалась своему предмету, требовала от студентов такого же отношения и если не находила этого качества, то рассматривала поведение студента как святотатство.

Конечно, всего этого Юля не знала. Движимая желанием помочь близкому человеку, оказавшемуся, как ей думалось, в ситуации непростого выбора, она хотела быть хоть чем-то полезной и не унималась.

– Бедный Андрей... Если он пропускает лекцию, как же сможет подготовиться к экзамену?

– Я думаю, выкрутится. Перепишет у меня.

– Правильно! Зачем ему переписывать? Я пойду с тобой и запишу ему эту лекцию, – уже бодрым голосом произнесла Юля.

Не ожидавший такого поворота, Ильдар остолбенел. Он не знал, что ответить. Рафинированная профессорская дочка, учившаяся на искусствоведа, была готова без оглядки окунуться в радиоэлектронные дебри. «Ёлы-палы! Что любовь с людьми делает? – удивился молодой человек, рассматривая Юлю, словно видел её впервые. – Да... Есть женщины в русских селеньях!»

До аудитории они шли молча. Длинный коридор способствовал размышлениям. «Ладно, пусть сидит. С меня не убудет, – рассудил студент-старшекурсник и ещё раз взглянул на хрупкого гуманитария. – Но какова! Коня на скаку остановит... Пожалуй, Андрюха попал крепко! Такая не отпустит».

По привычке Ильдар сел во втором ряду. В этом был свой психологический расчёт на то, что Антонова запомнит его пребывание и не проявит особого усердия при опросе на экзамене. Юля присела рядом и с интересом наблюдала, как студенты четвёртого курса заполняли аудиторию.

– А у вас ничего ребята... Видные. Только девушек почти нет.

– Специфика факультета.

– Это хорошо, – удовлетворенно отметила Юля.

– Тихо. Антонова идёт, – почти шепотом сказал Ильдар.

Профессорша в чёрном строгом платье с белой горжеткой начала доклад. Она рассказывала холодным размеренным голосом. Временами Антонова подходила к доске, рисовала мелом схемы и, словно в музыкальном произведении, расставляла синкопы, нарушая заданный ритм.

Через четверть часа Юля начала крутиться по сторонам. Прошло ещё пять минут, и, повернувшись к Ильдари, она посмотрела на него обалдевшим взглядом сквозь запотевшие очки.

– Ильдар, я не понимаю. Директорная антенна – это для директоров предприятий?

– Нет. Просто записывай и всё!

– Если я буду писать то, что не понимаю, как же Андрей поймёт?

«Вот пристала, – начал злиться Ильдар, – видишь ли, ей непонятно! Я сам мало что понимаю».

– Да, разберётся твой Андрей! Не глупее нас с тобой, – повышая голос, ответил Ильдар.

На последней реплике Антонова повернулась от доски, ища источник звука. Она буквально вперилась глазами в Ильдара.

– Галимов, вам не интересна моя лекция?

– Ну, что вы, Тамара Алексеевна. Я записываю каждое слово.

– Ещё раз услышу, что вы разговариваете на моём предмете, удалю из аудитории.

В помещении установилась зловещая тишина. Сокурсники с интересом смотрели на Ильдара. Один из них – Харитонов, из третьей группы – выразительно покрутил пальцем у виска.

Юли хватило на десять минут. Она отчаялась что-либо понять, но хотела удовлетворить любопытство.

– Извини. Что такое загоризонтная радиолокация? Разве можно заглянуть за горизонт? Ответить Ильдар не успел.

– Галимов, вы опять разговариваете? Хотите сорвать лекцию? Покиньте аудиторию!

Уже подходя к двери, Ильдар услышал следующий окрик «царицы Тамары»:

– Это что такое?! – обратилась она к Юле, вставшей с места и просившей студентов пропустить её к проходу между рядами.

– Вы извините. Я сейчас... Я быстро... Я с ним, – показала она на Ильдара.

Лицо Антоновой побагровело. Она, словно рыба, выброшенная на берег, стала широко заглывать воздух. Затем громко икнула и устремилась к столу за стаканом воды. Сакральная атмосфера лекции была разрушена окончательно.

...Наступивший ноябрьский день был предпраздничным. Дорога к спортивному комплексу проходила мимо Дома культуры. На фасаде здания красовался широченный плакат с трафаретными рабочими, возводившими линии электропередачи. Под художественным полотном соцреализма натянули транспарант: «С праздником Великого Октября!»

Из установленных на улице динамиков разносился бархатный голос Муслима Магомаева, исполнявшего песню «Новый день» – патриотический хит 1978 года.

– Светом солнца озарены,
Светом правды своей сильны.
Наша Родина – Революция,
Ей, единственной, мы верны!

Ильдару предстояла утренняя тренировка. С тех пор как он выполнил норматив кандидата в мастера спорта по самбо, его включили в состав институтской сборной. До городских соревнований по борьбе оставалось чуть более двух месяцев. Задача ставилась одна – выиграть командное первенство. Неудивительно, что сборная по самбо, членом которой стал Ильдари, готовилась в усиленном режиме. Помимо спортивных амбиций спортсменов и тренеров выросли требования руководства института. Подготовка к Московской Олимпиаде началась полным ходом. И хотя олимпийский огонь планировалось зажечь через полтора года, ректорат МЭИ хотел загодя продемонстрировать высокие показатели.

В предпраздничный понедельник лекций и семинаров на факультете было мало. В основном – на младших курсах. И всё-таки Ильдари не торопился идти в спортзал. Внутренний голос подсказывал, что произошедший накануне конфликт с Антоновой бесследным не останется. Возникшая вечером тревога не исчезла за ночь. Он понимал, что его беспокоят не возможные проблемы на экзамене, а нечто большее – пока ещё не проявившая себя опасность, которая спряталась «за углом» и ждёт момента, чтобы нанести удар.

Надо было прояснить ситуацию. Ильдари считал, что неведение – хуже самой беды. И молодой человек пошёл на факультет. Горькая «пилюля» уже поджидала в коридоре.

– О, на ловца и зверь бежит, – приветствуя, распахнул руки комсорт Алексей Кондратьев. – Думал, придётся идти в спортзал.

– Не придётся. Чуть свет – уж на ногах! И я у ваших ног, – криво улыбнулся Ильдари, чувствуя неладное.

– Между прочим, Чацкий при этих словах целовал Софье руку, – ехидно заметил Алексей. – Ну, да ладно... Поздравляю! Весь курс говорит только о тебе.

– Всю жизнь мечтал о славе народной, – отпарировал Ильдари.

– Сообщаю. Антонова накатала «телегу». Начальник курса и замдекана будут ждать тебя в деканате в три часа. Мне поручено подготовить факультетское бюро по вопросу укрепления дисциплины.

– Быстро отреагировали...

– Да, быстро. А теперь скажи мне, как своему товарищу. Зачем ты притащил девчонку на лекцию? Вам больше встречаться негде?

– Лёша, дорогой, это не моя девушка. Да, я с ней знаком, но она к Малине приезжала. Свалилась как снег на голову! Вцепилась и тараторит одно и то же. Где Андрей, где мой дорогой? А желанный решил свалить с лекции. Ушёл в общагу на гулянку в окружении девочек.

– Вот это номер! Может, тебе рассказать всё как есть? Создаётся впечатление, что на тебя готовы спустить всех собак. – Уже без всякого веселья в голосе Алексей добавил: – У тебя могут быть проблемы с выдвижением в комитет комсомола института.

Мысли Ильдара понеслись в бешеном круге, перескакивая с одной на другую. Планы на будущее, ещё вчера казавшиеся прочными, могут разрушиться в одночасье. Он старался просчитать варианты и не находил решения. Ни события вчерашнего дня, ни попытки заглянуть в будущее не давали ответа или хотя бы подсказки – как поступить. Оставалось настоящее, которое тяжёлой плитой навалилось сверху.

«Чёрт возьми, как все повернулось! – лихорадочно думал Ильдар. – Сказать или не сказать... Но я не могу так поступить с Андреем. Тут же всплывет его отсутствие на лекции... Из-за какой-то ерунды рисковать всем, рисковать карьерой... Может быть, Лёша прав? Может, и не узнают, что Андрей прогулял... Сказать или не сказать... Хорош я буду, если друга „заложу“... Так, прикинем. Выдвижение новых кандидатур в комитет должно быть в декабре. Если скандал раздуют, затихнуть не успеет. Мало времени осталось... Какая мерзкая ситуация. Отмолчаться не получится... Деваться некуда... Взять вину на себя?... „Малина“ тоже хорош! Теперь гори из-за него как свеча... А вдруг Кондратьев прав, и место в комитете накроется „медным тазом“... Или все-таки повиниться и сказать...»

Терзаемый мыслями, на тренировке он был сам не свой. В голове рисовались картины одна хуже другой. Механически боролся в контрольной схватке, не смог провести ни одного приема против соперника и в результате проиграл поединок.

– Ты что делаешь, Ильдар? – раздражённо спросил старший тренер Цыганков. – Ни нападения, ни защиты! Учти, в твоей весовой категории есть толковый парень с энергомашиностроительного факультета. Если не соберёшься, будем его готовить к соревнованиям.

...Комсорг ждал результатов разговора в комнате факультетского бюро, расположенной рядом с деканатом. Беседа там явно затянулась, и можно было уехать, но Алексею хотелось заранее понять – какой «спектакль» придётся разыгрывать на бюро, если до этого дойдёт.

– Сказал? – проявляя нетерпение, спросил он у входящего в помещение Ильдара.

Тот помрачнел, кивнул головой и резко отодвинул стул, усаживаясь напротив.

– И что дальше?

– Для начала лишился повышенной стипендии, даже при успешной сдаче экзаменов. Хотя высокую оценку по антеннам я вряд ли получу. Царица Тамара не преминет отыграться. Попросили объяснительную.

Они оба замолчали. На факультете было непривычно тихо. Преподаватели разъехались по домам. Студенты отправились во Дворец культуры на концерт, после которого намечалась дискотека.

– У тебя есть что-нибудь?

Алексей тяжело вздохнул, поднялся с кресла и достал из сейфа початую бутылку грузинского коньяка, а затем тарелочку с аккуратно нарезанными дольками лимона.

– Давай, с праздником! – произнёс комсорг, протягивая Ильдару гранёный стакан с тёмно-янтарным напитком.

– Для полного комплекта мне не хватает обвинения в пьянке.

Оба рассмеялись. Алексей снова наполнил стаканы. Затем выдвинул ящик стола и бросил перед Ильдаром белый конверт.

– У меня идея. Тут два пригласительных билета на музыкальный вечер в Институте культуры. Короче, будет классная дискотека. Симпатичные девчонки. Поехали, расслабимся.

– Почему бы и нет, – согласился Ильдар, уставший от размышлений. – Поехали на твою вечеринку.

...Институт культуры хоть и назывался московским, но находился за кольцевой дорогой – в подмосковных Химках, на левом берегу канала Москвы. Добираться до него было просто.

От метро «Речной вокзал» ходил автобус. Но трястись в общественном транспорте не было желания, и друзья доехали на такси.

Дискотека шла в полном разгаре, когда в сторону молодых людей направилась через весь зал стройная блондинка в ярком платье. Почти кричащий наряд дополняли большие клипсы.

Внимательно осмотрев новичков, выделявшихся среди привычного контингента, она подошла вплотную к Ильдару и спросила:

– А тебе нравятся «Роллинги»?

– Ну да, – брякнул Ильдар, даже не понимая, о чём идёт речь.

– Это клёво! – продолжила девушка. Она посмотрела в глаза Ильдару и пошла в другой конец зала.

Молодой человек посмотрел ей вслед и переглянулся с товарищем.

– Ты что, дурак? – спросил стоявший рядом Алексей.

– Почему? – возмутился Ильдар.

– Иди, ведь ждёт, – продолжил приятель.

По всему залу раскатилась и закружила песня «I Will Survive» – самая знаменитая песня Глории Гейнор. И молодой человек пошёл в темноту – навстречу глазам, манящим и чарующим.

– Меня зовут Наташа, – сказала загадочная блондинка и, нисколько не стесняясь, положила длинные тонкие пальцы ему на плечи.

– Ильдар, – ответил юноша, обняв девушку за талию. Он аккуратно прижал её к себе, ощущая тёплое дыхание и аромат дорогого парфюма.

– Какое красивое имя. Словно из восточной сказки, – улыбнулась девушка.

– Так и есть, – прошептал на ухо Ильдар.

Увлечённые собой, они протанцевали весь вечер, забыв обо всем.

Глава 4. Новороссийская сага

Наташа то подходила к зеркалу, то отступала назад, разглядывая себя с разных сторон. Скупое ноябрьское солнце прорывалось сквозь облака. Его свет заполнял комнату и временами казалось, что он отражается в волосах девушки. Густые светлые локоны опускались на плечи, «разбегались» по яркой розовой блузке, создавая особую палитру.

Лёгкими, привычными движениями девушка наносила тени, подходящие цвету её серо-зеленых глаз. Довольная собой, она несколько раз прошлась кисточкой с тушью по русым ресницам. Косметика, приобретённая в «Берёзке», дала желанный эффект. Ресницы потемнели и чуть загнулись кверху.

С детства Наташа привыкла получать от папы то, что другим было недоступно. Заграничные наряды, французский парфюм придавали ей самоуверенность, вызывали чувство превосходства среди сверстников. Она любила быть в центре внимания и, уже будучи школьницей, поняла, как пробуждать к себе интерес. Старалась выбирать себе невзрачных, а порой и некрасивых подруг, чтобы выделяться на их фоне.

...Спустя полчаса утренний макияж подошёл к концу. Чтобы убедиться в своей неотражимости, девушка начала плавно раскачиваться из стороны в сторону, «стреляя» в зеркало, как ей казалось, чарующим взглядом. Находясь под впечатлением вечера, проведённого накануне, Наташа представляла себе Ильдара в зеркальном отражении. Она то складывала губы «бантиком», то загадочно улыбалась.

В радужных чувствах девушка побежала на кухню, где мама готовила завтрак.

– А где Тёпа? – спросила она, не увидев на привычном месте восьмилетнего брата.

– Стёпушка уже позавтракал. Папа взял его на демонстрацию, – ответила мама.

Анастасия Аркадьевна знала любимое блюдо дочери, приготовила к празднику творожники с ягодами. Тарелка с блинами, вазочки с красной и чёрной икрой, тонко нарезанная сырокочёная колбаса, пузатый чайник с расписными чашками заполнили пространство стола.

– Не крепкий? – спросила Наташа, разливая ароматный напиток по чашкам.

– Как ты любишь... Чтобы не испортить цвет лица.

Девушка выглянула в окно. Улицу Димитрова, названную в честь лидера болгарских коммунистов, расцвели красными флагами и транспарантами. Ярко-красный кумач набух после ночного дождя и с трудом поворачивался на ветру.

Наташа так и не привыкла к московской осени, переходящей в зиму. Она её не любила за промозглую унылую погоду. Но сейчас она словно не замечала скучный серый пейзаж. Ничто не могло испортить ей хорошего настроения. А любимые творожники, так кстати оказавшиеся на тарелке, добавляли ей ощущение баловня улыбающейся судьбы.

Ловко орудуя вилкой и ножом, она принялась за лакомство, запивая его душистым чаем, обжигаящим рот. Наконец, тарелка опустела.

Наташа посмотрела на маму. Пожалуй, стоит ей сказать. Момент подходящий. Папы не будет ещё какое-то время. Как кстати он взял с собой Тёпу. Брат, хоть и был малолеткой, но научился подкалывать сестру.

– А я с мальчиком познакомилась.

Мама поставила чашку на стол и не сразу спросила:

– Кто он? Из вашего института?

– Не-е. Кажется, из Бауманки. Физик.

– Как его зовут?

– Ильдар.

– Постой, где ты его нашла?

– Да я его и не искала. Приехал с другом к нам на дискотеку. Он клёвый.

Анастасия Аркадьевна внутренне насторожилась, чувствуя в словах дочери неподдельный интерес. Профессия «физик» её не впечатлила. Фильм «Девять дней одного года» не входил в перечень любимых картин. «Много формул... Работа в „почтовом ящике“ с низкой заработной платой», – рассудила женщина.

Она видела, как возбуждена Наташа. Что за молодой человек? Судя по имени, татарин. Час от часу не легче... «Хотя их и на Кубани хватает», – подумала Анастасия Аркадьевна. Из какой он семьи? Все эти вопросы повисли в воздухе.

– Мам, ну кто спрашивает о родителях в первый же день знакомства?

– Ну, может быть, он сам рассказал...

– Нет. Мы танцевали весь вечер. А потом я его подвезла до дома. Ты же не против?

Наташа ездила в институт и обратно на служебной машине папы. Для партийного функционера высокого ранга такое положение вещей было естественным. Не ехать же дочери общественным транспортом, да ещё на край Москвы! Новость была в другом. Неожиданно представилась возможность узнать что-то конкретное про её нового друга.

– Конечно, я не против. Но ты его совсем не знаешь. Это же служебная машина папы... И где он вышел?

– Где-то рядом с Савёловским вокзалом.

За три года проживания в столице Анастасия Аркадьевна не могла сказать, что хорошо изучила Москву. Но поняла – это не в центре и район – явно непрестижный.

– А ты не вспоминаешь Рому? Интересно, как он там? Хочешь, я позвоню его маме. Сегодня праздник. Поздравим их. А потом передам трубку тебе? Пообщаетесь...

– Может, не сегодня? Я хотела пойти погулять.

Звонок в Краснодар решили отложить. Мама и дочь погрузились в свои мысли.

...Семья Наташи была из Новороссийска. Город и порт Краснодарского края расположились огромным амфитеатром, растянутым на несколько десятков километров, вокруг Цемесской бухты. Его окружали горы Северного Кавказа, через которые из Новороссийска пробились лишь две дороги. Одна уходила на северо-запад, через перевалы, в Анапу. Другая, прижатая горными стенами, петляла вдоль побережья через Геленджик, Туапсе до Сочи.

Между тем 100-тысячное население портового города не чувствовало себя оторванным от остального мира. Напротив, каждодневно открывающийся взгляду простор Чёрного моря, шум прибоя, крики чаек, суда, прибывающие в бухту, чтобы затем снова отправиться в плавание, – всё это и ласкало, и манило, и приглашало к новым открытиям и достижениям.

Когда в 1959 году родилась Наташа, её отец занимал пост первого секретаря Новороссийского горкома ВЛКСМ. Комсомольский вожак показал себя не просто внимательным к указаниям партийных органов, но и проявляющим инициативу для успешного выполнения задач, поставленных партией и правительством.

Карьера благоволила Владимиру Серебрякову. Высокого, стройного шатена с густыми волосами, зачёсанными набок, заметило руководство города. И через год он был переведен на работу в Новороссийский горком КПСС.

Партийная власть города вместе с исполкомом разместились в ажурном трёхэтажном особняке. Его резной фасад, вытянутые узкие окна, утопленные в глубину воздушные балконы, наконец, клетчатая роспись претендовали на то, чтобы назвать здание по меньшей мере небольшим ханским дворцом, возведённым архитекторами из Персии или Оттоманской порты.

Однако ни знаменитый хан Давлет Герей, ни другие родственники османского султана Сулеймана Великолепного не имели отношения к роскошному зданию. Его построил в 1913 году табачный промышленник и финансовый воротила Абрам Юкелис. Сам магнат жить в особняке на Воронцовской улице не собирался и сдал его за приличные деньги знаменитым купцам первой гильдии Александру и Гавриилу Тарасовым.

К началу XX века Тарасовы заняли своё место в списке богатейших фамилий России. У них были собственные дома в Москве, Екатеринодаре, Армавире. Занимались торговлей, вели собственное производство, владея различными заводами, фабриками и мануфактурами, были крупными землевладельцами на Кавказе. По своему положению, жалованному ещё Екатериной II, купцы первой гильдии могли вести заграничную торговлю и владеть морскими судами. Поэтому представительный дом в портовом городе, расположенный рядом с морским вокзалом, был весьма кстати для предприимчивых братьев.

Наступившая революция смешала все планы. Тарасовы эмигрировали из России, отправившись из Новороссийска в Константинополь. Вслед за ними бежал за границу магнат Юкелис, оставив всё свое состояние. В особняк въехал Центральный исполнительный комитет Черноморской Советской республики. Новая власть решила, что заседать на Воронцовской улице будет не по-марксистски, и, чтобы не было сомнений, в революционном порыве её переименовали, присвоив имя Карла Маркса.

В годы оккупации дом заняло гестапо. В сентябре 1943 года город был освобождён. Отступая, фашисты заминировали здание, но благодаря успешной работе саперов особняк был сохранён. В послевоенные годы в него вернулась партийная и городская власть Новороссийска.

...Первый секретарь горкома Буркин не любил длинных и, тем более, обстоятельных разговоров. Он выслушал представление нового сотрудника и подвел итог.

– Товарищ Серебряков, направляем вас в отдел административных и торгово-финансовых органов. Для начала будете контролировать работу партийных организаций сельхозпредприятий, входящих в структуру города. Все детали обсудите со своим руководителем.

Владимир такому назначению мысленно обрадовался. Неплохое начало. Значит, буду контролировать в том числе винодельческий комбинат Абрау-Дюрсо.

Через год судьба преподнесла новый «подарок». Долго болевший заведующий отделом умер от рака, и в 1961 году Серебряков переместился в его кресло, став в свои 33 года Владимиром Михайловичем.

Это был серьезный взлет! Изменился круг знакомых, в который вошли руководители знаменитого на всю страну цементного завода «Пролетарий» и Новороссийского морского порта, являвшегося важнейшим на юге СССР.

Изменились привилегии. Новому заведующему отделом горкома партии предоставили трехкомнатную квартиру в Центральном районе, в сталинском доме на улице Советов. Это была главная улица города. Четырёхэтажное белокаменное здание с балюстрадами на балконах – одна из ярких примет сталинских построек – смотрело на площадь Свободы. В Новороссийске она считалась самой важной. Теперь дорога от квартиры до горкома занимала 10 минут прогулочным шагом.

...В 1965 году лето в Новороссийске выдалось не жарким. Приятно пригревало солнце. Да и вода в бухте казалась парным молоком, приглашая жителей окунуться в морскую ванну.

Анастасия Аркадьевна выглянула в окно и, убедившись, что погода хорошая, спросила дочь:

– Ну что, сделаем кружочек?

– Да... да... – запрыгала на месте радостная девочка. Шестилетняя Наташа любила гулять с мамой по городским скверам.

Они вышли из дома и направились по пешеходной аллее, разделившей на две части улицу Советов. До войны здесь был городской сад, который разрушили в результате боевых действий. В начале 50-х годов его начали восстанавливать. Тогда и было принято решение – вместо сада создать Парковую аллею, пересекающую основные улицы города. На всем её протяжении разбили клумбы и цветники, украсили фигурно подстриженными кустарниками и гипсовыми скульптурами.

Пройдя большую часть бульвара, мама с дочерью повернули к Цемесской бухте. Выход к морю пролегал через Площадь Героев. Ранее это был Приморский сквер, но в 1943 году его переименовали – в память о погибших в Великой Отечественной войне. Окружённые тенистыми деревьями, на площади в одну линию вытянулись Вечный огонь и братская могила, в которой похоронили солдат и офицеров, погибших при штурме города.

Наташа остановилась возле небольшого мавзолея, выполненного из тёмного мрамора. На его крыше размещалась чаша с Вечным огнём. Языки пламени, словно большие лепестки, раскачивались на ветру, то прижимались к крыше мавзолея, то взмывали к небу. Девочка смотрела завороченными глазами на этот танец.

– Цветок, – сказала девочка, показывая рукой на огонь.

Анастасия Аркадьевна согласилась и добавила, что это особенный «цветок».

– Его зажгли, чтобы помнить о людях, защищавших нашу Родину.

Ещё не понимая значения этих слов, Наташа закивала головой, потом взяла маму за руку, и они пошли дальше в сторону моря.

Завершал мемориальный комплекс белый обелиск, возвышающийся в центре большой клумбы. Классический монумент в виде сужающегося кверху гранёного каменного столпа потускнел от времени. Местами проступали тёмные пятна.

Его установили в 1940 году, когда жители Новороссийска отмечали 20-летие освобождения города от белогвардейцев и интервентов. Тогда обелиск поставили в центре сквера. Из разных концов к монументу проложили шесть дорожек. Но людей, направляющихся к памятнику, не было видно. Они быстро проходили мимо, словно желая вычеркнуть из памяти кровавые события марта 1920 года, получившие название «Новороссийской катастрофы».

То, что мрачный столп занял место практически рядом с одним из причалов Новороссийского порта – в этом была скрытая, если не зловещая, символика. Тысячи человеческих жизней оборвались на этом «пятачке».

С той кровавой драмы прошло 45 лет. Не так уж много для одного поколения. В городе ещё жили очевидцы, перед глазами которых разворачивалась одна из трагедий Гражданской войны.

...В июне 1918 года 10-тысячная Добровольческая армия под командованием Деникина начала второй Кубанский поход, который успешно завершился разгромом 100-тысячной группировки красных войск и взятием Екатеринодара – столицы кубанского казачества. В августе под контроль добровольцев перешёл Новороссийск. После двухлетнего периода впечатляющих побед начались поражения, приведшие к паническому отступлению Белой армии. Генерал Деникин отдал приказ занять оборону по реке Кубань, но деморализованные войска отказались подчиниться главнокомандующему Вооружённых сил Юга России. Они бежали к Новороссийску.

Финальный акт драмы развернулся 12 марта 1920 года в Новороссийском порту. Десятки тысяч людей – офицеры, солдаты, казаки, чиновники и просто гражданские лица – пытались попасть на корабли. По рассказам очевидцев, в городе беспорядочно скопились остатки Донской и Кубанской армий. Их общая численность составляла 25 тысяч штыков и почти 27 тысяч сабель.

Но пароходов не хватало. Разбитые части были полностью дезорганизованы. Стекавшие в Новороссийск военные самовольно занимали корабли. Суда набивались людьми сверх всякой меры. Хотя и был приказ командования о первоочередной погрузке раненых и больных военнослужащих, их бросили на произвол судьбы. Не было возможности перевезти лазареты в порт. Подводы, повозки, автомобили были брошены в непролазной грязи на дороге к Новороссийску.

А наступающая Первая конная армия Будённого уже была на подступах к городу. Её с трудом сдерживал Добровольческий корпус, составленный из остатков корниловских и дроз-

довских частей, сохранивших дисциплину, высокий воинский дух и боеспособность. С моря добровольцев поддерживало несколько кораблей английской эскадры.

Ночью подожгли цистерны с нефтью и пакгаузы, где, помимо мешков с зерном, складированного леса, находились снаряды. Чёрный дым и гарь, накрывшие порт, разрывы снарядов, метущиеся от причала к причалу люди, смертельная давка у трапов – паника захватила каждого. Всех, не попавших на корабли, охватил страх. Глазами полными ужаса люди смотрели по сторонам и не находили выхода.

Будённовская конница, сметая всё на своем пути, ворвалась 14 марта в Новороссийск. Многие офицеры Дроздовского полка, не желавшие попасть в плен, предпочли свести счёты с жизнью. Защищая город, они не смогли эвакуироваться. Понимая, какая участь ждёт их семьи, «дроздовцы» крестились и со слезами на глазах стреляли в головы жён и детей, после чего последнюю пулю направляли в себя...

Тысячи людей, застрявших в порту или на его подступах, накрыла лавина всадников, которые без разбора рубили шашками и стреляли по сторонам. В тот день Красная армия пленила 22 тысячи человек. Захваченные офицеры, включая тех, которые находились в госпиталях, были казнены. Большая часть донских, кубанских и терских казаков, прижатая к берегу, приняла условия капитуляции. Их мобилизовали в Красную армию и отправили на Польский фронт. 1 мая в Новороссийске прошёл первомайский парад.

...Наташа с мамой прошли мимо мрачного «исполина» и вышли на набережную. Двигаясь в сторону морского вокзала, они увидели длинную очередь женщин с посудой. Кто с ведрами, кто с бидонами, у кого-то рядом стояла большая алюминиевая фляга для молока. Женщины терпеливо стояли под солнцем, переговаривались между собой, вглядывались в морскую даль.

– Бачишь? На гэризонте...

– Не-е. Цэ сухогруз.

– Может, не будэ сэгодня?

– Должен прийти. Если вчэра не было, то сэгодня будэ.

– Подставляй жменьку, семечек дам, полузгаешь.

К очереди подошёл мужчина в морском кителе и громко объявил:

– Не волнуйтесь. Танкер прошёл Геленджик.

Эта новость привела всех в радостное оживление. Женщины заулыбались. Одна из них облегченно сказала:

– Час остался. У Кабардинки мыс обойдёт – и считай тутэчки, в порту...

Девочка с удивлением смотрела на очередь, которая упиралась в пустой причал.

– Мам, а зачем они стоят? Может, нам тоже нужно?

Анастасия Аркадьевна не сразу ответила дочери. Она знала, что Новороссийск испытывал острую нехватку пресной питьевой воды. Те мизерные запасы, которые хранились вблизи города, к лету выпивались.

К одной проблеме добавлялась другая. Водопровода в домах не было. Жители, чтобы запастись водой, должны были идти к причалу морского вокзала и дожидаться специальных танкеров, которые курсировали из Туапсе. Суда приходили почти каждый день. Чистую воду разливали всем желающим в принесённую из дома посуду.

Анастасии Аркадьевне не нужно было стоять в этой очереди. Членам горкома вода доставлялась на дом в нужных для них количествах.

– Нет, дочка. Пойдём к морю.

В выходной день городской пляж почти полностью был заполнен. Толкаться в поисках свободного места не хотелось, и мама с дочкой устроились загорать, присев на ступеньках широкой мраморной лестницы, спускающейся к морю.

Они смотрели на солнечные блики, отражающиеся в гребешках волн, накатывающих к берегу. Слушали крики чаек и, шурясь от солнца, наблюдали, как в бухту заходит теплоход «Адмирал Нахимов». Пароход совершал круизный рейс из Ялты и, согласно расписанию, должен был в два часа дня пришвартоваться у пассажирского причала Новороссийского порта. Судно стояло до вечера, а затем, приняв на борт пассажиров, отдавало причальные концы и следовало на Сочи.

Все эти подробности жизни морского порта мама с дочкой знали очень хорошо. Из окон квартиры прекрасно просматривалась Цемесская бухта. Наташа любила смотреть на заходящие в порт суда, наблюдать, как лоцманский катер проводит сухогрузы к причалам, мимо защитных молов. Девочка смотрела на пароходы и одновременно переворачивала страницы иностранных журналов, которые приносил папа после встречи с руководством порта. С фотографий на неё смотрели красиво одетые высокие стройные мужчины, то сидящие за рулём красивого автомобиля, то позирующие на палубе белоснежной яхты. Последние нравились Наташе больше всего. И хотя она была ещё ребенком, у неё пробудилось желание оказаться на такой яхте, отправиться на ней в заморские страны.

Впрочем, когда отрывной лист календаря открывал ноябрь, настроение девочки менялось, и пропадала охота к морским путешествиям. Ежегодно в это время на Новороссийск сваливался с гор холодный, порывистый северо-восточный ветер, который капитаны называли норд-остом или бора. За считанные часы температура воздуха резко снижалась, падая на 10 или даже 15 градусов. Бора низвергался по горным хребтам, окружающим город, достигая у побережья скорости штормового ветра.

Наташа с испугом наблюдала, как вода в гавани буквально закипала от сильного волнения. Не спасали защитные молы, и суда в спешном порядке покидали порт, уходя в открытое море. В течение недели Цемесская бухта становилась несудоходной, представляя собой унылое зрелище.

...Июльское землетрясение 1966 года, случившееся в окрестностях Новороссийска, оказало серьёзное влияние на судьбу Владимира Михайловича и его семью. Удары стихии были скоротечными, но внушительными по своей мощи. Сейсмологи рассчитали, что сила толчков достигала 6 баллов.

Анастасия Аркадьевна с Наташей были в гостинной, когда затрясся сталинский дом. Массивный стол подпрыгнул и с грохотом опустился на паркет. Хрустальная люстра зазвенела диссонансом, резанула по живому и стала угрожающе раскачиваться. Мама подхватила на руки дочь и побежала к выходу.

Центр города не получил разрушений. В некоторых домах появились трещины. В основном пострадал частный сектор.

За несколько месяцев до природного катаклизма на Кубани произошло событие, которое могло вызвать «тряску» всех партийных органов. В январе первым секретарем Краснодарского крайкома партии был назначен Тимофей Гаврилович Зарубин. Он прибыл на Кубань из Курской области. Как правило, став первым секретарём горкома, тем более крайкома, новый человек начинал с того, что формировал команду из своих, проверенных людей.

У Владимира Серебрякова было личное отношение к смене руководства на Кубани. Дело в том, что он был хорошо знаком с Зарубиным. Тот дружил с его отцом. Два фронтовика бок о бок прошли по военным дорогам Великой Отечественной, были в разных передрягах. Тимофей Гаврилович по-свойски приезжал в дом Серебряковых, в том числе общался и с юношей.

С тех пор прошло немало лет. Хотя у Владимира и было желание напомнить о себе, он не торопился с поездкой в Краснодар. Да и не мог он этого сделать без разрешения секретаря горкома. А самостоятельный визит в крайком, через голову начальства, мог иметь серьёзные последствия.

Произошедшее землетрясение предоставило возможность повидаться с другом отца. Новый глава Кубани решил приехать в город и провести выездное заседание, посвящённое устранению последствий природной стихии. Сидевший во главе стола Зарубин узнал Серебрякова, но виду не подал. Он внимательно слушал выступления членов горкома, делал замечания.

После заседания к Владимиру подошёл второй секретарь крайкома и, доверительно взяв его за локоть, сказал:

– Тимофей Гаврилович хочет с вами поговорить. Пойдёмте в соседнюю комнату.

Зарубин расположился на диване. Уже без пиджака, в ослабленном галстуке, рукой пригласил Владимира сесть рядом.

– Ну, здравствуй. Эка, ты вымахал! Вылитый отец в молодости. Тот же широкий лоб, тонкие брови. Только у тебя лицо покруглее будет... Когда мне показали списки горкома, думал, что однофамилец. А ты, оказывается, здесь. Давно?

Он выслушал короткий рассказ и прервал его взмахом руки.

– Как отец? Давно мы с ним не видались.

– Папа умер. Три года назад. В больнице.

– Как умер? Почему мне не сообщили?

– Он тяжело болел и просил меня никого не беспокоить.

Зарубин замолчал. Несколько минут сидел, погружённый в мысли, вспоминая друга. Затем тяжело вздохнул и внимательно посмотрел на второго секретаря. Тот понимающе кивнул. В комнату привезли тележку с бутылкой коньяка, хрустальными рюмками и бутербродами с икрой.

– Помянем.

Опять установилась тишина. Через открытое настежь окно доносилось пение птиц. Наконец, Зарубин прервал молчание и уже тоном первого секретаря сказал:

– Ну, так... Я сейчас уезжаю... Мне в крайкоме нужны люди, на которых я могу положиться. Готов перебраться в Краснодар?

Получив от Владимира утвердительный ответ, он повернулся к помощнику и распорядился:

– Занесите в резерв.

– Думаю, ты здесь остаёшься ненадолго, – обратился Тимофей Гаврилович к сыну своего фронтового друга.

Через полгода Владимира Серебрякова перевели в крайком, назначив заведовать отделом лёгкой, пищевой промышленности и торговли.

...Мама и дочь молчали, думая о своём. Протяжный звонок в дверь прервал воспоминания Анастасии Аркадьевны. Она улыбнулась дочери.

– Вот и папа пришёл.

Владимир Михайлович вошёл в прихожую, держа в одной руке торт, в другой – букет гвоздик. За ним в квартиру вбежал восьмилетний мальчуган с разноцветными воздушными шарами. С высоко поднятыми руками он подошёл к маме.

Демонстрация закончилась, и праздник с улицы переместился в каждый дом, каждую семью – к поздравлениям, накрытым столам и долгожданному Голубому огоньку.

Глава 5. Флирт в ритмах диско

Со дня знакомства молодых людей на дискотеке прошло три недели. Это был тот самый период, когда они, увлечённые собой, искали возможности встретиться, бесцельно гуляли по Москве, внимательно слушая друг друга, заглядывали в глаза, смеялись над различными глупостями и не замечали капризы переменчивой погоды, то покрывавшей асфальт ледяной коркой, то превращавшей каток под ногами в сверкающие лужи.

Привыкшая к поклонникам, Наташа увидела в Ильдаре мужчину, который был близок её представлениям об идеале. «Он сильный, стройный! – мысленно оценивала девушка. – Конечно, мог бы быть и повыше... Но такое волевое лицо с волнистой шевелюрой... Одевается со вкусом... Конечно, костюм должен быть другой. Не финский, а хотя бы австрийский... И галстук подобрать... Но как он обнимает! Когда прижимает, сердце так и колотится... Как смотрит на меня! Хорошо...»

Поначалу встречи с Наташей вызывали у Ильдара лишь естественное любопытство и ласкали самолюбие, не переходя ту незаметную грань, когда общение становится потребностью. Он оценил её инициативу на танцах, уверенность в себе, её откровенное желание понравиться ему.

В институте студентам его факультета прививали навыки аналитического мышления. И молодой человек, думая о Наташе, выстраивал в голове логические цепочки с возможностью увидеть перспективу таких отношений. «Да, красивая девушка, – думал Ильдар. – Шикарный прикид, дорогой парфюм, служебная „Чайка“ с шофером... Видимо, из мажоров... Но тогда бы она училась в МГИМО или Инязе. Хотя это не обязательно. Что очевидно, так это наличие влиятельного папы. Факт, безусловно, интересный».

Он узнал, что Наташа учиться на кафедре актёрского мастерства, старается бывать на театральных и кинопремьерах, ходит на концерты. Собирает пластинки и фотографии актёров. Но это нормально! Хочет стать знаменитой актрисой? Так это тоже нормально, потому что все девчонки с детства заражены лучами славы своих кумиров.

Гуляя с Наташей, молодой человек догадался, что она в Москву приехала недавно. «Город знает плохо», – сообразил Ильдар. И он стал выстраивать маршруты по старинным улицам, сопровождая прогулку увлекательными рассказами о столице. Глаза у девушки загорались.

Сам того не замечая, молодой человек увлёкся девушкой, которая разительно отличалась от многих сверстниц. Ему было легко с ней общаться. Ильдар вдруг поймал себя на том, что скучает по Наташе, когда перерывы между свиданиями растягивались на несколько дней.

Он позабыл о проблемах, которые совсем недавно казались неразрешимыми и заполняли все его мысли. Теперь молодому человеку хотелось быть не просто интересным, а произвести неотразимое впечатление на девушку из «высшего общества». Но как? Чем её удивить? И судьба предоставила Ильдару такой шанс.

Под занавес осени 1978 года по Москве прошёл слух. Западная поп-группа мирового уровня «Бони М» приедет в СССР! И не просто с экскурсией или на закрытое мероприятие для партийной верхушки, а выступит с концертами для широкой публики.

Большинство отказывалось верить и воспринимало это как шутку. Ведь до сих пор советских граждан тщательно оберегали от «тлетворного» влияния Запада во всех его проявлениях.

Но «разлагающая» и, разумеется, безыдейная буржуазная музыка находила лазейки. В Союзе у группы «Бони М» были миллионы поклонников. На танцах и дискотеках крутили знаменитые песни «Daddy Cool», «Rivers of Babylon», «Belfast» и, конечно, «Sunny», которая стала самым популярным хитом группы на просторстве СССР.

А тут, слыханное ли дело, чтобы кумиры из ФРГ прорвали «железный занавес» и приземлились в столице СССР?

Поначалу Ильдар считал все эти страсти, кипевшие вокруг якобы ожидаемого визита звёзд, пустым разглагольствованием. Но в начале декабря из Калининского райкома комсомола в институтский комитет пришла разнарядка – отобрать несколько человек, достойных «для посещения в первой половине декабря концерта музыкального южноамериканского ансамбля, отстаивающего права трудящихся». Конечно, фраза про южноамериканский ансамбль могла скорее запутать, нежели прояснить ситуацию. Возможно, в райкоме не сильно вдавались в подробности создания поп-группы, а может, сознательно напускали туману, чтобы не создавать ажиотажа.

От своего друга и однокурсника Александра Железнова, считавшегося на факультете экспертом по западной музыке, Ильдар узнал, что темнокожие музыканты родились на Карибских островах, но уже подростками перебрались в Западную Европу. Их там заметили. Наконец, в 1975 году популярный западногерманский музыкальный продюсер Фрэнк Фариан создал группу, прославившуюся на весь мир.

Скорее всего, в инструкции речь шла о «Бони М». Но для верности Ильдар позвонил знакомому из горкома и тот сообщил:

– Да, 7 декабря группа прилетит в Москву. В субботу, начнутся гастроли. Будут выступать в «России». Только ты не звони всем подряд.

Нет, никому звонить Ильдар не собирался. Мысли были заняты другим. «Нужно как-то достать билеты», – размышлял молодой человек. Он понимал, что такой сюрприз Наташа обязательно оценит. Это было бы супер! Но в разнарядку я точно не попаду. Значит, придётся прорываться к кассам!

Госконцерт не стал расклеивать по городу афиши, рекламирующие предстоящие концерты. Но в этом и не было нужды. Сработало сарафанное радио. Чтобы исключить сумасшествие у касс, день продажи билетов держался в секрете. Ильдари удалось выяснить заветную дату, но человек, давший информацию, заметил:

– Учти, в кассы поступит лишь 10 процентов. Будут продавать по два билета в руки. Если хочешь гарантированно купить, приходи к «России» накануне. Скажем, в девять вечера. Постоишь ночь в очереди. А утром откроются кассы и, возможно, на твою долю хватит.

...Государственный концертный зал «Россия»¹ размещался в центральной части одноимённой гостиницы и смотрел своим застеклённым фасадом на Москворецкую набережную. Ильдар миновал двери вестибюля станции метро «Площадь Ногина»², вышел по подземному переходу на улицу Разина³ и направился к центральному подъезду. Дорога к залу занимала не более десяти минут. Но этого хватило, чтобы почувствовать, как вечерний холод обволакивает лицо, захватывает нос и уши.

С началом декабря в Москву пришли морозы. Набирая силу, они крепчали день за днем. С наступлением темноты мороз становился жёстче и злее. Молодой человек поднял воротник офицерской бекеши, которую Ания Хафизовна купила по случаю в военторге, действующем в стенах академии Генштаба. По сути, это был закрытый магазин для слушателей и сотрудников военного вуза.

«Вовремя купила, – подумал Ильдар, застёгивая верхнюю пуговицу. – Классная бекеша!»

Площадка перед концертным залом была пустой. Но удивление длилось недолго. Спустившись по ступеням к реке, Ильдар увидел вытянутую вдоль набережной очередь, которой отвели место между мраморной стенкой и милицейскими барьерами. В этом искусственно

¹ На месте гостиницы «Россия» расположен парк «Зарядье».

² Станция метро «Китай-город».

³ Ул. Варварка.

созданном коридоре парни и девушки двигались из стороны в сторону. Точно так же раскачивалось над ними облако пара.

Объединённые желанием простоять ночь и купить желанные билеты, молодые люди знакомились, общались, рассказывали анекдоты, смеялись и пританцовывали. С каждой минутой эта живая масса поглощала новых пришедших, всё больше увеличиваясь в размерах, вытягиваясь в сторону Китайского проезда.

– Гамарджоба, генацвале. Кофе принёс? – спросил молодой человек, внешность которого безошибочно показывала на жителя солнечного Кавказа.

– Нет. Не догадался.

– А я принесла. И бутерброды нарезала, – улыбнулась Ильдару девушка в дублёнке. Она показала на сумку, из которой торчал двухлитровый китайский термос.

– С прибытием, – протянул руку еще один юноша, назвавшись Максимом.

Через несколько минут Ильдар уже знал, что в эту морозную ночь вместе с ним собралась компания молодых людей, прибывших в Москву из разных точек Союза. Зураб срочно прилетел из Тбилиси, хлебосольная Даша примчалась к родственникам на «Красной стреле» из Ленинграда, а Максим добирался в столицу из Набережных Челнов.

Конечно, никто из них, включая Ильдара, не мог понять – почему визит «Бони М» в Москву, предстоящие концерты стали возможными? Времени было достаточно, и каждый выдвигал свою версию такого решения партийных властей.

– Ребята, это всё «Belfast». Песня протеста, про борцов за мир. Исполняют её угнетённые жители Африки. Разумеется, их пригласили, – приводил аргументы Максим.

– Вообще-то, они с Карибов.

– Да, нехай будут с Карибов, – не унимался представитель поволжской республики.

– Мальчики, всё проще, чем вы думаете. Впереди Олимпиада, вот и показываем капиталистам, всему миру нашу открытость, – политически грамотно парировала жительница города на Неве.

Не вступавший в разговор Зураб прервал молчание и заговорщицким голосом произнёс:

– Ладно, вам скажу... Их лично Леонид Ильич пригласил, клянусь мамой!

– С чего ты взял?

– Э-э-э! На Политбюро решали вопрос... Подумай, да-а... Это же валюта. Брежнев дал команду, их сразу пустили... Целых десять концертов разрешили! Понимаешь? – сопровождал слова яростной жестикуляцией грузинский поклонник рок-группы.

Прошло несколько часов, и Даша достала из сумки спасительный термос с бутербродами. Горячий кофе, разлитый в бумажные стаканчики, одним своим видом согрел компанию.

– Пагади, – сказал Зураб и достал из внутреннего кармана куртки стальную фляжку с выбитым на ней рисунком виноградной грозди.

Он не торопясь отвинтил крышку и так же медленно стал добавлять каждому в кофе прозрачную жидкость.

– Это что, водка? – поинтересовался Максим.

– Э-э-э! Какая водка, слушай! Это чача! Мой отец делал. Божественный напиток, клянусь мамой, – улыбнулся Зураб и причмокнул губами.

Все одобрительно кивнули и принялись за еду.

Ночной мороз набирал силу. Разговоры в очереди поутихли. Кто-то пытался дремать. Широко расставленными руками кавказский гость хлопал себя по плечам. Затем взглянул на Ильдара и сквозь заиндевевшие усы негромко сказал:

– Второй раз в этом году стою за «Бони М», клянусь мамой...

– Это как?

– Весной... в Тбилиси... в очереди за пластинкой стоял... Там было тепло стоять... Знаешь какая у нас весна? Приезжай, не пожалеешь.

...В 1978 году фирма «Мелодия» заключила контракт с немецкой звукозаписывающей компанией Hansa Records, который предусматривал приобретение прав на издание в СССР пластинки «Бони М». Безусловно, такое решение сулило коммерческий успех и должно было обрадовать почитателей группы. Но, как известно, дьявол кроется в деталях.

Денег на покупку лицензии выделили мало. Тираж получился маленьким. Всего сто тысяч дисков на многомиллионную аудиторию страждущих поклонников. Опять-таки в целях экономии не стали издавать номерной альбом группы, а выпустили на пластинке сборник песен, в который, по неизвестным причинам, не вошло несколько хитов группы.

Пластинки или, как их еще называли, виниловые диски, печатали на нескольких заводах Союза, расположенных в подмосковной Апрелевке, Риге, Ташкенте и Тбилиси. Как только диск «Бони М» поступил в продажу, он моментально стал дефицитом. Вокруг фирменных магазинов «Мелодия» собирались толпы. Для наведения порядка вызывали милицию и дружинников. Покупателей запускали в магазин небольшими партиями. Официально пластинка «Бони М» стоила 2 рубля 15 копеек. Фарцовщики, которые стояли тут же – рядом с магазином, продавали её за 30 рублей.

...Наступило долгожданное утро. В десять часов открылись кассы, и припорошенная снегом закоченевшая «змея», составленная из отстоявших всю ночь людей, зашевелилась. Она медленно продвигалась на несколько метров и снова застывала. Милиционеры разбивали её на кусочки, ждали команды. Когда откуда-то сверху разносилось: «Запускай», отодвигался барьер, и очередная группа людей пропускалась к кассам. У входа их встречал одинокий скромный плакат: «Выступает ансамбль островов Карибского моря».

Покупая билеты, Ильдар сознательно выбрал последнюю дату гастролей. Он рассудил, что на финальном, завершающем концерте музыканты «оторвутся» по полной. По Москве уже ходил слух, что группе запретили исполнять новую песню «Rasputin». Камнем преткновения стали фразы из припева «Ra Ra Rasputin Lover of the Russian queen» и «Ra Ra Rasputin Russia's greatest love machine». Такой подтекст сочли идеологически вредным. Но большинство из стоящих вместе с Ильдаром в очереди верили и надеялись, что скандальный хит все-таки прозвучит. И музыканты это сделают на последнем концерте.

За два билета Ильдар заплатил восемь целковых. Он замёрз, устал, страшно хотел спать, но при этом чувствовал себя баловнем судьбы. Такой подарок должен наверняка продвинуть наши отношения на новый уровень. «А там, как знать», – крутилось в голове у молодого человека.

Как и предполагалось, 7 декабря четверка «Бони М» высадилась в Шереметьево. По центральному телевидению показали репортаж об этом событии. Для солистов «Бони М» – Лиз Митчелл, Майзи Уилльямс, Марсии Барретт, Бобби Фаррелла – приготовили шикарные белые шубы. Музыканты позировали в них перед журналистами на фоне чёрной «чайки», которую подогнали к трапу самолета.

После окончания программы «Время» Ильдар позвонил Наташе и сообщил ей, что достал билеты на концерт поп-группы. Сюрприз удался – и желанный эффект был достигнут. Радостным восклицаниям не было конца.

...К завершению гастролей популярный у москвичей 15-метровый термометр-градусник, установленный напротив Центрального телеграфа на улице Горького, стал показывать зубодробительный холод. Его красная шкала опустилась к отметке минус 30.

Несмотря на трескучий мороз и позднее время начала представления, вокруг Центрального концертного зала «Россия» и на его подходах собрались несколько тысяч людей, приехавших из разных уголков страны в надежде купить с рук билет и попасть на последний концерт своих кумиров. Ильдар и Наташа шли через толпу фанатов, а с разных сторон их просили, уговаривали, умоляли, сулили золотые горы. «Мать честная! Предлагают 150 рублей за билет, – подумал Ильдар. – Если бы не обстоятельства, вот денег можно было бы срубить!».

За дверьми главного центрального входа уже не было толчеи. По сверкающему фойе неторопливо прогуливались «избранные», которые составляли большую часть зрительской аудитории предстоящего концерта. Это была партийная и государственная элита, крупные чиновники из министерств, ветераны, на пиджаках которых красовались звёзды Героев. Здесь же были известные всей стране космонавты, выдающиеся советские спортсмены и прославленные актёры.

Ступая по натуральному мрамору, под светом бесчисленного множества шарообразных хрустальных люстр, они направлялись к раздевалкам, расположенным по бокам зала – за широкими колоннами. Под роскошными меховыми шубами, модными дублёнками, как правило, приобретёнными в закрытой двухсотой секции ГУМа, открывались взгляду дорогие костюмы и вечерние платья.

Наташа дёрнула Ильдара за рукав и кивнула в сторону гардероба. Перед ними, в конце небольшой очереди, стояли спортивные звёзды – Ирина Роднина и Александр Зайцев. Девушка замедлила ход и тихо спросила:

– Узнаёшь?

– Кто же их не знает? Фигуристы. Зайцев и Роднина.

– Да я не о том! Ты знаешь, как называется дублёнка на ней?

– Нет. А что?

– Эх, ты! Это «дублёнка принцессы». Мы, когда жили в Краснодаре, ходили с папой на фильм «Мужчина и женщина». Так вот, героиня картины щеголяла именно в такой дублёнке.

– А, это французская мелодрама? С Трентиньяном.

– Я потом в журнале её видела... Там на фотографиях актриса Анук Эме позировала в «дублёнке принцессы»... Такую в Союзе не купишь.

Наташа вздохнула, и они направились в фойе первого этажа. Ильдар уже собирался повернуть к лестницам, ведущим на второй этаж, как их окликнула пышногрудая женщина в пушистой ангорской кофте.

– Наташенька, как я рада. Добрый вечер!

Молодые люди поздоровались. Женщина молитвенно сложила кисти рук, на которых красовались кольца с бриллиантами, искрящимися под светом люстр, и продолжила:

– Что же вы с мамой не заходите?

– Мама собиралась заглянуть на следующей неделе.

– Буду ждать. Пусть Владимир Михайлович передаст с водителем список. Я все подготовлю. Ну, не буду вам мешать.

Последние слова были адресованы Ильдару, который поймал на себе изучающий взгляд. Затем женщина плавно повернулась и скрылась среди людей, направляющихся в центральный вход партера.

– Родственница? – поинтересовался Ильдар.

– Это директор сорокового гастронома! Знаешь такой? На улице Дзержинского⁴. Рядом с «Детским миром».

Видимо, довольная собой, Наташа направилась ко входу в партер. Но Ильдар схватил её за руку.

– Не сюда. Нам по лестнице, на второй этаж.

– Разве мы сидим не в партере?

– У нас билеты на балкон.

Наташа покраснела и с раздражением спросила:

– А почему ты не достал в партер?

⁴ Ул. Большая Лубянка.

– Потому что с балкона лучше видно! Что за вопрос? Какие были билеты, такие купил. Между прочим, я за ними простоял всю ночь.

– Ночью надо спать. Сказал бы мне, я бы попросила папу.

– Я стараюсь решать вопросы сам, – твёрдо ответил Ильдар. Он взял девушку под локоть и направил к лестнице. Но Наташа оттолкнула его руку.

– А ты меня не дергай!

Молодой человек удивленно посмотрел на свою спутницу. Оказывается, когда Наташа начинала волноваться, у нее прорывался наружу провинциальный южный говор. «Хорошенький получился сюрприз, – думал Ильдар, – с претензией по мою душу».

Начался концерт, и всё пространство зала озарилось доселе невиданным грандиозным фейерверком. Это было нечто особенное, совсем непохожее на трафаретную и однообразную программу, которую привыкли наблюдать на «красный» день календаря или ко Дню милиции.

«Бони М» привезла с собой несколько тонн музыкального оборудования. Под энергичную танцевальную музыку стены зала загрохотали, он наполнился разнообразными звуковыми и визуальными эффектами. Сцена переливалась разноцветными огнями. В ходе выступления музыканты несколько раз меняли наряды, появляясь то в блестящих костюмах с перьями, то одетыми в воздушные арабские балахоны.

Перед московской аудиторией исполнялись композиции с нового альбома «Nightflight To Venus», вышедшего на Западе этим летом. По сути, это была премьерная демонстрация. Кумиры зажигали диско, призывали сидящих в зале подняться с мест и танцевать под энергичные хиты. Но публика, расположившаяся в партере, была неподъёмной. В первых рядах сидели серьёзные солидные люди – партийно-хозяйственная номенклатура, привыкшая вести себя достойно, со своими дамами, лица которых оставались неподвижными, под стать их строгим причёскам.

Зато зрители на балконах отрывались на полную катушку. Позабыв о ссоре, Ильдар и Наташа повскакали с мест и вместе с другими молодыми людьми кричали, размахивали руками, подпрыгивали на месте, пытаясь танцевать.

Когда началось барабанное вступление и ритмичный проигрыш к песне «Rasputin», балкон взревел от радости. Но до запретных куплетов дело так и не дошло. Солисты, без всякой паузы, принялись исполнять другой хит.

Что подвигло музыкантов сделать такую музыкальную обманку? Может быть, их подтолкнул тот факт, что в ресторане гостиницы «Россия», где проживала западная поп-группа, здешний ансамбль исполнял «Rasputin» без всяких запретов, прямо в присутствии четвёрки «Бони М». У последних это вызывало откровенное недоумение.

Концерт набрал сумасшедшие обороты и достиг своего пика. И тогда случилось событие, выходящее за привычные рамки. Певица Лиз Митчелл отчаялась обращаться со сцены к публике с призывами встать и танцевать. Она спустилась в зал, чем повергла собравшихся в полное изумление. Никто из советской эстрады такого ещё не делал!

Пританцовывая под музыку, Лиз прошла туда и обратно по проходу между рядами и вдруг села на колени мужчине. Она стала гладить его по лысине, после чего мужчина сначала покрылся пятнами, затем побагровел, и его голова за несколько секунд стала похожа на сочный помидор. Все сидящие в партере напряглись и оцепенели. Общественно-политический бомонд страны был в шоке! Никто не знал, как реагировать на эту выходку. Напротив, все сидящие на балконе, включая Ильдара с Наташей, вскочили и, не желая пропустить ни единого мгновения, перевесились через барьер, рискуя сорваться вниз на зрителей партера.

Наконец, темпераментная певица вспорхнула с коленей важного чиновника и побежала на сцену зажигать дальше. Ситуация разрешилась сама собой, и стоящие у дверей мужчины в штатском облегчённо вздохнули.

Вечер получился на славу! Наташа была в восторге. Ильдар чувствовал себя героем. О случившейся размолвке никто не вспомнил. Возникшая было шероховатость в отношениях сгладилась сама собой.

Глава 6. В богемной среде: жизнь и размышления

Весна с трудом пробивалась в столицу. Наступивший март теплом не баловал. Вроде бы для Москвы весенние провалы и подъемы температуры – дело привычное. Пришел марток – надевай семеро порток. Но на этот раз зима отличилась запредельными морозами. В канун Нового года столбик термометра опустился на рекордную за всё время отметку – минус 38 градусов. Транспорт встал. Во многих домах не выдержали и полопались батареи центрального отопления. Земля глубоко промёрзла, и теперь все попытки мартовского солнца её отогреть – терпели неудачу.

Зимняя сессия прошла для Ильдара почти что успешно. Как он и ожидал, «царица Тамара» отыгралась на экзамене и вlepила ему «тройк». Это значило, что его бюджет на предстоящий семестр оказался под угрозой. Такие пограничные ситуации рассматривались в деканате с участием комсомольских представителей. Кроме имеющейся претензии со стороны профессора Антоновой, придаться было не к чему. Стипендию Ильдару дали.

А вот планируемое продвижение карьеры по комсомольской линии затормозилось. В конце февраля составлялся список резерва комитета комсомола института. Ранее все были уверены, что Ильдар туда попадет. Но его не внесли. Почему? Этого никто объяснить не собрался. Сказали, что надо подождать.

Светлой полосой в наступившем году был его активно развивающийся роман с Наташей. Возникшая между молодыми людьми увлечённость перешла в привязанность. Общаясь, каждый из них находил в партнёре симпатичные ему черты и видел в этом свой интерес.

Ильдар понимал, что Наташа рассматривала отношения между ними через призму различных знаков внимания, неожиданных подарков, весёлого времяпрепровождения. Он находил её женственной и был готов закрыть глаза на проявления взбалмошности, считая, что со временем это пройдёт. Да, она привыкла к красивой безмятежной жизни. Однако стремление стать частью московской богемы имело оборотную сторону. Как ни крути, выросли расходы. «Со временем это может стать для меня проблемой. Хорошо, стипендию сохранили», – думал Ильдар, – «а то бы я „попал“».

Изменившаяся для него ситуация в институте, неопределённость в осуществлении планов комсомольской карьеры заставили взглянуть по новой на знакомство с девушкой из высшего общества. Ильдар догадался, что её отец принадлежит к элите, для которой нет невозможного. С учетом всех обстоятельств, роман с Наташей приобретал новый смысл. И молодой человек старался укрепить эту связь. Возможно, это был тот самый путь, чтобы попасть в круг советских «аристократов».

...Начиная со второй половины марта Наташа находилась в приподнятом настроении. Приближающееся событие – празднование юбилейного двадцатого дня рождения – наполняло каждый новый день смыслом и ожиданием праздника. Папа уже предупредил, что отмечать будут в дорогом ресторане, но его название держал в секрете.

Родители девушки не собирались приглашать Ильдара на семейное торжество. Анастасия Аркадьевна полагала, что дочь слишком увлеклась чувствами к молодому человеку, который был для неё не парой.

– Зачем он тебе? – спрашивала мама у дочери.

– Ах, мама! Разве можно приказать сердцу? – отвечала Наташа томным голосом. Она складывала руки на груди, видела, как мать начинает сердиться, и, довольная получившейся театральной сценой, хохоча убегала в свою комнату.

Владимир Михайлович был менее категоричен. Однако он считал преждевременным вводить дочкиного ухажёра в круг семейных знакомых.

Конечно, ничего этого Ильдар не знал. Девушка не собиралась его расстраивать и тем самым рисковать отношениями, которые ей были приятны. В разговорах Наташа старательно избегала темы празднования, а если она возникала, то отшучивалась.

Ей нравилась эта игра в недосказанность. Она сознательно не говорила Ильдару о своих пожеланиях. Пусть сам попробует догадаться. Сможет или нет? «Интересно, какой подарок он приготовит?» – гадала девушка.

Ильдар и без подсказок понимал – презент должен быть особенным. Но чем можно удивить Наташу? Он вспомнил о её хобби – собирать пластинки с западными исполнителями. И решил спросить совета у главного эксперта на факультете, своего друга Александра Железнова.

«Скорее всего, Саня сейчас обедает в „стекляшке“», – рассудил Ильдар. Популярная среди студентов столовая находилась рядом с главным учебным корпусом. Поднявшись на второй этаж, он увидел однокурсника. Железнов увлеченно насаживал на вилку макароны и пытался разделить на части подгоревшую котлету. Периодически он поглядывал на тарелку с дымящимся борщом, на поверхности которого растеклись крупные масляные пятна.

– Саня, привет! Чего первое есть не стал?

– Я обедаю по своей методе. Они... в смысле повара... наливают борщ – чисто крутой кипяток. А второе блюдо – чуть тёплое. Если начну с первого, как привыкли все нормальные люди, то получу ожог первой степени. И пока буду расправляться с борщом, макароны замёрзнут окончательно.

– Мудро. Чувствуется глубокое знание жизни во всех её проявлениях. У меня к тебе дело.

Не вдаваясь в подробности, Ильдар принялся рассказывать о девушке, её увлечениях и предстоящем дне рождения. Саша осторожно отхлёбывал борщ, с интересом слушал и, наконец, спросил:

– Это ты из-за неё на морозе ночевал?

– Ну да.

– «Золотая молодёжь»... Если она захочет, ей достанут нужный диск без помощи «фарцы»... Это я так, к слову. Давай прикинем, что будешь дарить... Хард-рок она не примет. Чтобы слушать «Pink Floyd», мозгов не хватит... Ладно. Ей концерт понравился?

– Даже очень. Жалела, что не услышала «Распутина».

– Вот и хорошо. С твоей помощью услышит. Покупай «Ночной полет на Венеру», свежак. Вышел летом прошлого года. Десять хитов. Напомнишь о том, как вы сходили на «Бони М», и «Распутина» послушаете.

– А достанем? До дня рождения мало времени осталось.

– Сейчас как раз подходящий момент. Латиносы вернулись в феврале с каникул. Привезли диски. Новый альбом найдём без проблем. Дай мне пару дней. Узнаю, что к чему. И вместе пойдём на «толкучку».

– И во сколько мне это обойдётся?

– Думаю, шестьдесят... Чего ты с лица упал? Поторгуемся.

В столице действовало несколько «чёрных» рынков, на которых фарцовщики продавали западные пластинки. Музыкальные новинки появлялись в Москве с некоторым опозданием, но под определенные месяцы. Насыщение рынка происходило либо в феврале, либо в начале осени. Эта странная закономерность казалась непонятной лишь на первый взгляд. Тем не менее она имела вполне логичное объяснение.

Большую часть западных дисков привозили студенты из Латинской Америки, обучающиеся в СССР. Сдав сессию, они отправлялись домой на каникулы. А уже когда молодежь из «третьего мира» летела обратно в Союз на учёбу, начинающие коммерсанты делали свой маленький бизнес.

Как правило, перелет из Америки в Европу предполагал пересадку либо во Франкфурте, либо в Западном Берлине. Там предприимчивые студенты закупались модными пластинками.

Этим объяснялось, что на обложках большинства дисков, продаваемых на московских «толкучках», значилась страна-производитель ФРГ. И становилась понятной чёткая зависимость между всплеском продаж на «чёрном» рынке и окончанием студенческих каникул.

Западные пластинки продавались или обменивались в нескольких местах. Одна из «толкучек» находилась рядом со знаменитым магазином фирмы «Мелодия», где в прилегающих дворах собирались фарцовщики и потенциальные покупатели. Другой подпольный музыкальный рынок обосновался в двух шагах от Кремля.

С утра до вечера сотни меломанов толкались на первом этаже третьей линии ГУМа, в непосредственной близости от отдела грампластинок. При наличии большого числа милиции в главном магазине Москвы такой выбор места для «чёрного» рынка выглядел странным. Но оказалось, что в случае облавы ГУМ идеально подходил, чтобы спрятаться в толпе, бежать в разные стороны – на улицу, в соседний отдел или, скажем, в туалет. Тем более, что в открытую пластинки никто не держал. Их прятали в целлофановых пакетах, больших сумках, узких портфелях. Если у кого-то возникал интерес, доставалась бумажка, на которой были написаны название музыкальной группы, альбома, год выпуска.

Ещё одна пластиночная тусовка обосновалась на Самотёке, рядом с небольшим парком. Она собиралась исключительно по выходным дням. Не менее знаменитой у меломанов была «Туча». Так на сленге именовали «толкучку» на Ленинских горах. Своё прозвище она получила из-за сотен людей, толпившихся недалеко от смотровой площадки, рядом с трамплином. В отличие от рынков в центре Москвы при милицейских рейдах здесь было меньше возможности убежать или спрятаться.

И, наконец, музыкальные фанаты и торговцы западными дисками собирались у стен Московского энергетического института. Эта «толкучка» отличалась тем, что функционировала каждый день, но строго в дневные часы – аккуратно под обеденный перерыв между студенческими парами.

Постоянного места у неё не было. Поначалу продавцы с покупателями собирались группами у входа в центральный корпус, занимая лавочки небольшого сквера. Но, поскольку члены оперативного отряда МЭИ честно выполняли свой долг, то после очередной облавы «чёрный» музыкальный рынок перемещался к «Бастилии» – лабораторному корпусу. Или находил своё пристанище возле Дома культуры МЭИ.

... Через пару дней Ильдар и Саша прогуливались по небольшому парку, примыкающему к культурному центру института. Предложения сыпались с разных сторон.

– Мужики, есть Abba 76-го года. Оригинальный альбом «Arrival» не нужен? Отдам за двадцатку, – предложил молодой человек.

Железнов отрицательно замотал головой. Когда они пошли дальше, Ильдар спросил:

– Слушай, знакомое лицо. Мне кажется, я его видел на факультете.

– Конечно, видел. Сергей Лисовский. Учится на втором курсе, отделение «радиофизики».

– А чего он так дешево продает? Это же Abba.

– Ну, тут все понятно. В прошлом году «Мелодия» выпустила этот альбом.

В конце аллеи стоял темноволосый парень. Он помахал рукой Александру и достал из сумки альбом «Nightflight To Venus». На темно-синей обложке, среди звезд и спиралевидных галактик, облаченные в белые костюмы члены группы «Бони М», держась за такой же белый светящийся канат, летели к Венере.

Молодые люди обменялись рукопожатием. Железнов начал разговор:

– Салют, Мигель. Как видишь, мы пришли.

– Салюдо! На, смотри.

– Сколько хочешь?

– Sesenta, – показал продавец поднятые шесть пальцев и для убедительности повернулся к Ильдару.

– Дио мио! Боже мой, Мигель, побойся бога! – воскликнул Александр.

Между ним и продавцом началась оживлённая беседа с использованием фраз на испанском, английском и русском языках. Наконец, они пришли к соглашению, и Железнов удовлетворенно сообщил Ильдару:

– С тебя полтинник. Сейчас посмотрим диск. Кстати, в качестве бонуса в альбоме есть цветные фото членов группы с их автографами. Для тебя – бесплатно!

Это считалось большой удачей. Зачастую, когда диск сопровождался такими открытками или постерами, его аккуратно вскрывали, вынимали рекламные фото и снова запечатывали. Выгода для продавцов была очевидной. К стоимости диска добавлялся «навар» – по пятёрке за каждое фото члена музыкальной группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.